

©2005г. И.М.ПУШКАРЕВА*

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА У «КРОВАВОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ»?

На столетний юбилей революции 1905-1907 гг. в России откликнулись не только ученые, но и радио, телевидение, периодическая печать. Немало материалов появилось и на сайтах в Интернете. При этом высказывается множество самых разных точек зрения на «устроителей» революционных потрясений 1905 г., среди которых названы то «стремившиеся к конституции олигархи», то чиновники Министерства внутренних дел, задавшиеся якобы целью расправиться с рабочими, то лично Николай II, не откликнувшийся на мольбы рабочих о помощи¹. Очень противоречиво освещается и роль священника Георгия Гапона, сыгравшего немалую роль в трагических событиях 9 января 1905 г., которые стали детонатором революционного движения в стране и сигналом к началу революции². На мой взгляд, во всех случаях роль Гапона преувеличивается, оставляя в тени такой важнейший для раскрытия феномена революции фактор, как беспрецедентный рост массового и прежде всего пролетарского протестного движения в России в начале XX в.

Сегодня в распоряжении историков находится уникальный материал, заключенный в издаваемых Институтом российской истории РАН сборниках «Рабочее движение в России. 1895 - февраль 1917 гг. Хроника»³. По данным, содержащимся здесь, картина стачечного движения в 1895-1904 гг. выглядит следующим образом: на 1895 г. приходилось не менее 340 производственных конфликтов (стачки и волнения) и политических стачек на отдельных предприятиях с участием до 80 тыс. рабочих; на 1900 г. уже, соответственно, 655 и 100 тыс.; на 1901 г. - 910 и 176 тыс.; на 1902 г. - 694 и 147 тыс.; на 1903 г. - 2 244 и 365 тыс.; на 1904-419 и 133 тыс. (в 20% количество принявших участие в стачках рабочих осталось неизвестным). Всего по моим подсчетам за 10 лет, предшествовавших Первой российской революции, в производственных конфликтах, из которых почти 90% приходится на стачки, приняло участие в 68 губерниях и областях России более 1.5 млн рабочих практически всех профессий. Большинство стачечников (примерно 90%) боролись исключительно за улучшение условий своего труда и быта, но медленно и неуклонно росла и степень политизации рабочего движения.

В 1904 г. уже 17 политических партий, включая национальные, имели комитеты, группы и кружки в рабочей среде, причем более 80% из них приходились на РСДРП, Бунд и национальные социал-демократические организации. Второе место (немногим менее 10%) занимали эсеры. Только за 1903-1904 гг. выявлено более 2.5 тыс. названий листовок различных революционных партий, обращенных к рабочим. В те же два пред-революционные года в России состоялось не менее 320 политических демонстраций и манифестаций, не считая сотен митингов, собраний, маевок. Чаще всего они сопровождали коллективные выступления, всеобщие стачки, следовавшие одна за другой.

Пиком забастовочного движения перед революцией был 1903 г., когда всеобщая стачка на Юге России парализовала жизнь 10 губернских и уездных городов (Баку, Одесса, Тифлис, Батум, Киев, Екатеринослав, Николаев и др.). В 1904 г. в связи с русско-японской войной и экономической депрессией масштабы забастовок значительно сократились. Однако это было лишь временным затишьем. Уже в конце лета 1904 г. вспыхнула всеобщая стачка каменщиков в Варшаве, вслед за ними забастовали 10 тыс. рабочих Сормовского завода, а в конце года - 25 тыс. рабочих в Баку. Полиция постоянно отмечала ведущую роль в этих протестных выступлениях рабочей молодежи.

Тем не менее никакой продуманной политики по рабочему вопросу (как, впрочем, и по другим наиболее важным проблемам общественной жизни) у правительства не было. В «верхах» царило удивительное благодушие. Острые проблемы во «Всепопданнейших записках» и докладах министров царю постоянно сглаживались, а негативная информация представлялась лишь тогда, когда ситуация доходила до критической отметки. Буквально за два дня до 9 января 1905 г., В.Н. Коковцов, докладывая Николаю II о стачках в столице, тут

же поспешил успокоить монарха, заверив, что «поговорит» с промышленниками, и все устроится⁴. А 8 января министр внутренних дел П.Д. Свято-полк-Мирский, сообщая императору фактически о всеобщей стачке петербургских рабочих, всячески подчеркивал их «мирное» поведение⁵. Государственная машина довольно плохо осуществляла анализ информации о том мощном напоре на власть, который нарастал «снизу». В Министерстве финансов, ведавшем до 1905 г. и промышленностью, больше всего беспокоились по поводу количества «потерянных» рабочих дней. В МВД департамент полиции после убийства В.К. Плеве летом 1904 г. уделял главное внимание охоте на эсеров-террористов, а с осени - усиленной слежке за земцами-либералами. Характерно, что единственная специальная аналитическая записка, составленная в этом департаменте в конце 1904 г. по поводу развития революционного движения⁶, не пошла дальше министра внутренних дел. Весьма симптоматичен и следующий факт: когда вечером 8 января 1905 г. депутация общественных деятелей попросила председателя Комитета министров С.Ю.Витте не допустить готовящегося расстрела мирных рабочих манифестаций, тот сказал, что «дела этого совсем не знает», «вмешаться в него не может» и вообще «этот вопрос в его компетенцию не входит»⁷. Что касается царя, то он накануне «Кровавого воскресенья» просто «умыл руки», покинул столицу, предоставив все полномочия военным, в частности, своему дяде вел. кн. Владимиру Александровичу, который предпочитал применять против народных протестов только силу.

История Первой русской революции не может не заполнить наше сознание, прежде всего, воспоминаниями о жертвах, которые принес народ в борьбе за свободу. Только расстрел рабочей манифестации 9 января 1905 г. привел к гибели более 1 200 человек, а число раненых превысило 3 тыс.⁸ При этом власти стремились всячески преуменьшить количество жертв (сообщалось о 96 убитых и 333 раненых). Уточненные данные о погибших и раненых, превосходившие официальную статистику в 10 раз, собрала комиссия столичных присяжных поверенных, опрашивая очевидцев событий, работников больниц, посетив столичные кладбища. Причем нет никаких оснований подозревать ее членов в сознательной подтасовке данных об этом преступлении царских властей, ставшем результатом поразительного переплетения безответственности, равнодушия как самого монарха, так и аппарата государственной власти.

Естественно напрашивается вопрос: была ли альтернатива «Кровавому воскресенью» 9 января 1905 г.? Можно ли было избежать этой трагедии, потрясшей весь мир? Этот вопрос задавали еще современники вскоре после трагедии на улицах Петербурга, ставят его и сейчас.

Бесспорно, любая революция имеет свои исторические предпосылки, уходящие корнями в более или менее продолжительный предреволюционный период. В России он исчислялся столетиями, и условия освобождения крестьян от крепостного права были лишь одной из причин революционного взрыва в начале XX в., ибо самодержавная система, сословный строй, нищета народа, социокультурный раскол общества и национально-конфессиональные проблемы возникли в Российской империи задолго до этого. «Горючего» материала в стране было так много, что можно лишь удивляться тому поистине феноменальному терпению, которое проявляли россияне до 1905 г. Поэтому

18

на макроуровне конкретной ситуации в стране и основных параметров внутренней и внешней политики самодержавия демократическая революция в России в начале XX в. представляется сегодня практически неизбежной. Однако ее сроки, поводы к ней, острота борьбы и ее сценарий, т.е. вопросы, решаемые, если можно так выразиться, на микроуровне, не были чем-то заранее запрограммированным и зависели от многих обстоятельств объективного и субъективного характера. Альтернативы могут существовать одновременно. Всегда есть выбор другого пути. В этой связи интересно проанализировать, в какой мере царская власть накануне роковых событий 9 января 1905 г., отделивших Россию «дремлющую» от России революционной, могла еще оптимизировать процесс социально-политического развития страны, сделать его более управляемым и менее взрывоопасным, что могло бы, по крайней мере, отсрочить начало революции и сократить

ее деструктивные издержки. На мой взгляд, таких возможностей даже в декабре 1904 - начале января 1905 г. было у правительства несколько.

11 декабря 1904 г., подписывая обнародованный на следующий день Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», Николай II единым росчерком пера лишил его главного пункта о введении в России выборного представительства. Это был ответ царя на «банкетную» кампанию либералов в связи с 40-летием судебной реформы 1864 г., а также на решения состоявшихся в ноябре съезда земцев-конституционалистов и общеземского съезда, предлагавших лишь «достроить» власть выборным представительным учреждением и тем самым мирным путем избежать революционного взрыва. Николай II не прислушался тогда ни к мнению определенной части рядовых высокопоставленных сановников, которые сомневались в необходимости продолжения традиционно «твердого» курса, ни к некоторым более дальновидным членам правящей династии, которые считали, что «революция стучится в дверь» и ее нужно остановить⁹. Вначале царь пытался по обыкновению вообще уйти от этих проблем, но 2 декабря 1904 г. все же собрал видных сановников, великих князей и всех министров для того, чтобы «прекратить смуту». Тон дискуссии о выборных представителях в системе государственной власти задал К.П. Победоносцев, сказавший, что «самодержавие имеет не только политическое значение, но и религиозный характер, и государь не вправе ограничивать миссию, возложенную на него божественным промыслом»¹⁰. Только 5-6 из 20 участников этого совещания предлагали подумать о представительстве, «не впадая в конституцию». И, если учесть, что по воспоминаниям лечащего врача Николая II психоневролога С.П. Федорова, его высокопоставленный пациент «всегда доверял больше тем, которые советовали ему не идти на уступки»¹¹, то понятно, почему мнение консервативного большинства участников совещания сразу же оказалось решающим. Между прочим, тогда и министр финансов Коковцов и председатель Комитета министров Витте тоже сказали, что выборное представительство и самодержавие несовместимы, после чего Николай II заявил присутствовавшим, что «власть должна быть тверда»¹². Таким образом, совершенно очевидно, что большинство высшей царской бюрократии и сам Николай II накануне 1905 г. не хотели включаться в процесс необходимой стране либерализации правящего режима.

Тем не менее Николаю II не чужды были некоторые сомнения в правильности принятого им тогда решения. В одной из частных бесед уже после опубликования указа 12 декабря 1904 г. он позволил себе пояснить свою позицию так: «При малой культурности народа, при наших окраинах, еврейском вопросе и т.д. одно самодержавие может спасти Россию». Царь понимал, что выбор представителей в государственные органы был бы шагом к «принятию конституции», но этот акт, по его мнению, мог вызвать мужицкий бунт, а этого боялись все русские цари. «Мужик конституцию не поймет, - продолжил далее Николай в той же беседе, - а поймет, что царю связали руки, тогда - я вас поздравляю, господа!»¹³ Не случайно публикация указа 12 декабря в газетах сопровождалась «Правительственным сообщением», где мысль о выборном представительстве объявлялась «чуждой русскому народу». Говорилось там и о возможных репрессиях в отношении собраний, на которых может идти речь о реформах. В итоге указ

19

12 декабря 1904 г., хотя в нем и содержались довольно расплывчатые обещания земству, крестьянам, евреям, печати, в целом не соответствовал градусу ожидания даже цензового общества. Как и до него, народ и общество продолжали идти к решительному противостоянию власти, не исключавшему крайние меры «снизу» и ответные им «традиционные» действия «сверху».

Различные варианты могли быть и у сценария, по которому развивались события в ходе конфликта между администрацией Путиловского завода и Нарвским отделением гапоновского «Собрания фабрично-заводских рабочих Петербурга». Эта легальная рабочая организация изучена больше с негативной стороны, только как воплощение в жизнь идей и инициатив священника Гапона. В тени остается история этой организации, количество членов которой достигло к концу 1904 г. только в столице 10 тыс. человек (с пригородами

-12.5 тыс. рабочих), а главное - ее эволюция. МВД, действительно, хотело «покровительствовать» ей, чтобы канализировать протесты рабочих, но ее реальная деятельность постепенно все больше отклонялась от этих замыслов. В организации чувствовался отголосок европейского христианского социализма, а среди ближайшего окружения Гапона было несколько радикально настроенных рабочих, в том числе социалистов по убеждению, но склонявшихся к мирному разрешению конфликтных ситуаций. Сам же Гапон был далеко не прост. Сочувствие к простому народу у не го причудливо переплеталось с чрезмерной амбициозностью и авантюризмом при отсутствии сколько-нибудь четких политических взглядов. Сила гапоновского «Собрания» была в защите социальных прав и материального положения рабочих. Администрация Путиловского завода плохо учитывала это и вообще возросшую роль «Собрания» в пролетарском движении столицы, а также тот факт, что к 1905 г. 6 тыс рабочих этого завода являлись членами гапоновской организации. Заводское начальство во главе с директором С.И.Смирновым, думавшим в основном о получении возможно большей прибыли (завод изготовлял пушки и пулеметы), еще с осени активно наступало на права рабочих. Оно категорически отвергало всякие контакты с рабочей организацией, а в декабре 1904 г., стремясь подорвать ее авторитет, уволило четыре кадровых рабочих, - активных членов Нарвского отдела «Собрания», инкриминировав им нарушение трудовой дисциплины. В ответ на это Нарвский отдел потребовал восстановить уволенных на работе, а дирекция, в свою очередь, стала грозить локаутом. Тогда рабочие пригрозили в случае неудовлетворения их протеста стачкой, выдвинуть еще и ряд экономических требований (8-часовой рабочий день, отмена сверхурочных, повышение заработной платы и др.). Это еще более возмутило директора завода, который обратился к министру финансов Коковцову (в его ведении тогда находилась промышленность). Министр сразу же занял сторону администрации завода¹⁴, что вдохновило администрацию на негативное отношение к требованиям рабочих.

В конце концов, в обострившейся ситуации, когда о поддержке путиловцев стали заявлять рабочие других предприятий столицы, по совету петербургского градоначальника И.А.Фулона Смирнов согласился на испытанный способ разрешения производственных конфликтов — обещания и частичные уступки: одного уволенного приняли на работу сразу, двум другим было обещано восстановление, но один рабочий получил категорический отказ. Однако это решение стало поводом для новой волны возмущений не только рабочих Путиловского завода. 2 января в Нарвском отделе «Собрания» состоялось совещание 600 рабочих представителей от ряда крупных металлообрабатывающих предприятий, которое выделило для окончательных переговоров с директором депутацию из 40 человек во главе с Гапоном. Встреча состоялась 3 января, причем Гапон буквально метался от рабочих к директору и обратно, склоняя их к компромиссу. Но рабочие продолжали настаивать на полном удовлетворении своих требований. Смирнов оказался перед выбором: принять на работу четвертого уволенного или рискнуть остановкой работы завода. Он выбрал второе, рассчитывая, вероятно, на конную полицию и жандармов, которые окружили помещение Нарвского отдела «Собрания», где большая группа рабочих мирно ждала решения дирекции. В конечном счете, амбиции администрации оказались сильнее здравого смысла, тем более она рассчитывала на действенную помощь властей. В 6 час. вечера 3 января во всех цехах Путиловского завода был погашен огонь, остановлены машины и завод встал.

Позже в своих воспоминаниях Гапон выдвинул версию, согласно которой мысль о соединении забастовки с организацией манифестации к Зимнему дворцу принадлежала ему¹⁵. На самом деле, стачка на Путиловском заводе и дальнейшее ее развитие в Петербурге явились следствием глубоких объективных процессов, происходивших в стране, а также развивающегося протестного рабочего движения. Что же касается идеи подачи петиции царю, то здесь не обошлось без советов Гапону и его «штабу» со стороны либералов С.Н. Прокоповича, Е.Д. Кусковой и других «освобожденцев» - участников развернувшейся петиционной банкетной кампании. Однако их советы стали восприниматься в «Собрании фабрично-заводских рабочих» только в конце декабря в связи с осложнением хода переговоров с администрацией Путиловского завода. Вплоть до вечера 3 января 1905 г.

между гапоновскими «штабными» шли споры «за» и «против» организации шествия к царю, причем сам Гапон приводил сначала доводы против этой акции, считая, что рабочие добьются большего, не прибегая к подобной экстраординарной мере.

Действительно, без забастовок собрать многотысячную манифестацию в Петербурге было невозможно. 4 января в столице бастовало 15 тыс. рабочих, причем наметилась тенденция к разрастанию стачки до общегородских масштабов. В этот день на одном из собраний Гапон, под влиянием настроения рабочей аудитории, заявил, что если администрация Путиловского завода отказывается удовлетворить требования бастующих, то надо «искать правду» у самого царя. Если бы стачка пошла на убыль, то неизвестно, к какому решению пришел бы «штаб» гапоновского «Собрания». Но число забастовщиков 5 и 6 января возросло вдвое - до 30 тыс. На этом фоне агитация за «поход к царю» стала заслонять собой все остальное, тем более, что недавние требования забастовщиков заводов практически вошли в петицию. Ее текст, составленный с помощью либералов-освободенцев и журналистов, читали и обсуждали уже на собраниях в отделах рабочей организации, а Гапону и его «штабным» оставалось только плыть по течению: события развивались независимо от них. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что вечером 6 января на совещании с промышленниками Коковцов снова поддержал их отказ удовлетворять требования рабочих. 7 января во всеобщей стачке в столице участвовало 70 тыс. рабочих, и в этот день в «штабе» «Собрания» и его отделах обсуждался уже конкретный план проведения манифестации 9 января с тем, чтобы выйти из всех отделов в 10 час. утра и в 2 часа дня быть у Зимнего дворца. По доносу в тот день Гапон был вызван к министру юстиции Н.В. Муравьеву и представил ему окончательный текст петиции. Когда министр с ним ознакомился, то воскликнул: «Вы же хотите ограничить самодержавие!» В ответ Гапон стал «униженно» просить Муравьева принять меры, «чтобы шествие не закончилось трагедией»¹⁶. Столица империи впервые в истории оказалась перед лицом всеобщей стачки. А.В.Богданович, жена старосты Исаакиевского собора, генерала Богдановича записала в дневнике 8 января: «... Какое-то тяжелое настроение: чувствуется, что мы накануне ужасных событий. По рассказам, цель рабочих в эту минуту - испортить водопровод и электричество, оставить город без воды и света и начать поджоги»¹⁷. Не случайно наряды войск в помощь полиции были посланы на электрические станции, газовые заводы, водопровод, а также на вокзалы и на крупные промышленные предприятия. Еще ранее в связи с грозившей всеобщей забастовкой рабочих правительство подтянуло к Петербургу войска из Пскова, Новгорода и Ревеля¹⁸.

Гапон боялся кровопролития, но ситуация уже вышла из-под его контроля. Ему оставалось одно - быть рядом с рабочими. Напутственные речи Гапона, обращенные к членам «Собрания» 8 и утром 9 января, были весьма противоречивы. В одних случаях он в экзальтации убеждал, что рабочие «должны идти к царю. Царь - это правда...» В других - был сдержан и даже предупреждал: «Может пролиться кровь..., но кровь мучеников никогда не пропадает». Звучала и такая фраза: «Если царь не услышит нас,

21

значит, у нас нет царя». И все же Гапон тешил себя надеждой, что «стрелять не будут». Утром 8 января он попытался пробиться к министру внутренних дел П.Д. Святополку-Мирскому, но не застал и оставил письмо, где говорилось, что рабочие и жители Петербурга желают видеть царя 9 января, «чтобы выразить ему непосредственно нужды всего русского народа». При этом подчеркивалось, что неприкосновенность Николая II гарантируется. В тот же день Гапон с «доверенными лицами» отправил и другое письмо - лично царю. «Государь, - писал Гапон. - Не думай, что твои министры сказали тебе всю правду о современном положении. Народ весь верит в тебя. Он решил явиться завтра в 2 часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы подать тебе петицию о своих и народных нуждах. Если в нерешимости ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоим народом. Доверие, которое он питает к тебе, исчезнет навсегда, и на этом месте между тобой и народом прольется невинная кровь. Явись завтра перед народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию. Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи гарантируем неприкосновенность твоей личности. Георгий

Гапон»¹⁹. Дошло ли это письмо до царя? Гапон этого не знал; причем есть косвенные сведения о том, что один из посланных им нарочных был арестован.

Витте писал через несколько лет, что если бы ему представилась возможность встретиться в канун 9 января с царем, то он бы, может быть, и «не посоветовал ему выйти к толпе, но дал бы совет уполномочить главу правительства или одного из генерал-адъютантов взять прошение и предложить рабочим разойтись, предупредив, что прошение будет рассмотрено». Лишь в том случае, если бы рабочие не разошлись, он считал возможным употребить силу²⁰. Но такой возможности, как уже говорилось выше, у Витте не было.

Сам же Николай II оставался невозмутим и спокоен. Историки не раз пытались найти свидетельства о причастности царя к приказу о расстреле мирной манифестации 9 января. Таких царских приказов не было. Однако нельзя сбрасывать со счетов некоторые факты. Когда 4 января в разгар стачки в столице министр внутренних дел Святополк-Мирский подал в отставку (мотивируя тем, что страна находится накануне революции, и он не может ее предупредить), у него с царем произошел «крупный разговор». В ответ на заявление министра, что он не может ничего поделать с бушующей в стране кампанией по требованию политических реформ, царь заявил, что никакие реформы стране не нужны, а «нужно запретить собираться и говорить». Удивленный Мирский развел руками: «Как же запретить людям собираться и говорить, тогда нужно всех запереть, объявив осадное положение». На это Николай спокойно ответил: «Ну что же, может быть, и придется объявить». А 6 января сразу же после инцидента, когда боевой снаряд, скорее всего по ошибке (во время обычного выстрела вместо боя курантов в 12 час. дня с Адмиралтейства) чуть было не попал в императорский шатер у Зимнего дворца, начальник штаба войск и Санкт-Петербургского военного округа получил в устной форме распоряжение объявить в столице военное положение. Но (видимо, еще до отъезда царя в тот же день в Царское Село) Коковцов успел сказать Николаю, что это может привести к обвалу курса русских ценных бумаг на европейских биржах. Распоряжение царем было сразу же отменено, но, по словам Коковцова, решили, что «государь не проведет воскресенье в городе, а полиция сообщит об этом заблаговременно рабочим и, конечно, все движение будет остановлено, и никакого скопища на площади у Зимнего дворца не произойдет»²¹. Отменяя военное положение, Николай знал, что в столицу уже вызваны войска и обстановка военного времени позволяет применять вооруженную силу в случае массовых беспорядков. Во время царствования Николая II огонь для разгона народа до 9 января применяли не раз, и такая тактика поощрялась правительством и лично царем. К тому же командующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа вел. кн. Владимир Александрович считал, как было сказано выше, применение военной силы «верным средством для излечения народа от конституционных затей»²². В эти январские дни властные структуры обнаружили рас-

22

терянность, неумение координировать свои действия и принимать четкие решения. Так, полиции было приказано сопровождать шествия рабочих (если они возникнут), и некоторые полицейские даже попали 9 января под пули. Войска же в одних случаях стреляли без предупреждения, в других - с предупреждением. Императорский штандарт с 6 января продолжал развеиваться над Зимним дворцом (скорее всего, его просто забыли снять, а, может быть, все же ждали 9 января царя в столице). Лишь к вечеру 8 января в ряде мест было развешено предупреждение о запрещении «сборищ», но эту бумагу в темноте трудно было прочесть. Высшие сановники империи безмолвствовали. Когда обеспокоенная военными приготовлениями в столице депутация общественных деятелей попыталась обратиться к министру внутренних дел, то оказалось, что его вызвал царь. Депутацию принял заместитель (товарищ) министра К.Н. Рыздзевский, сухо заявивший, что правительство обо всем осведомлено, а «другими полномочиями он не располагает». (О позиции Витте, когда к нему обратились представители этой депутации, сказано выше.)

Характерна запись, сделанная Николаем II 8 января в дневнике: «Ясный морозный день. Было много дела и докладов... Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона.

Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник - социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах». Запись следующего дня гласила: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненных. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедни. Завтракали со всеми, гуляли с Мишей. Мама осталась у нас на ночь»²³. И все! Царская власть еще раз навязала народу в одностороннем порядке квазидоговор, построенный на патерналистской формуле, которая всегда сопутствовала абсолютистским режимам: «Мы ваши отцы - вы наши дети, и мы можем вас наказывать». Это проявилось и через 10 дней после 9 января, когда по настойчивой просьбе новоиспеченного петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова Николай принял подобранную полицией депутацию рабочих, сказав им после нравоучительной речи: «Я верю в честные чувства рабочих и потому прощаю им их вину!»²⁴

В итоге история «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. стала ярким примером того, чем чреват отказ власти использовать возможности мирной разрядки социальной напряженности. В канун Первой революции в России инициативу в этом направлении предприняло и общество в лице земцев-либералов в конце 1904 г., и народ в лице петербургских рабочих в начале января 1905 г. Поведение «сильных мира сего» в обстановке политического кризиса 100 лет назад показывает, к чему приводит пренебрежительное отношение к требованиям общества, равнодушие к нуждам широких народных масс, прекраснотушие, когда «верхам» казалось, что ничего не может измениться в обществе по определению. Российским «верхам» для принятия правильных решений кардинальных проблем общенационального значения, выполнения функций государства не хватало и полноценной информации, достоверных сведений о настроениях широких слоев общества. Вместе с традиционной ориентацией на силовые структуры это свидетельствовало к тому же о гнилости самодержавной системы. Главным актером драмы 9 января 1905 г. был не Гапон, а народ. Шествие народа к царю выросло из массового протестного рабочего движения. Роль Гапона в событиях 9 января довольно точно отразил австрийский социал-демократ В.Адлер после получения сообщения о бегстве Гапона за границу: «Для его (Гапона. - И.П.) исторической памяти было бы лучше, чтобы он так же таинственно исчез, как и появился. Осталось бы красивое романтическое предание о священнике, который открыл шлюзы русской революции»²⁵. Преувеличение роли Гапона историками объективно означает лишь их нежелание увидеть на авансцене политической жизни начала XX в. пробуждавшийся к самостоятельной, активной жизни народ, развернувший борьбу за свое социальное освобождение.

23

Современники революции 1905-1907 гг., которые пристально следили за событиями в Петербурге, в первых числах января 1905 г. правильно называли стачку на Путиловском заводе «искрой, которая зажгла пожар» революции. Отказ удовлетворить никак не завышенные требования народа и общества к царю привел к массовым разочарованиям в верховной власти. Самодержавие не оставляло им ни малейшего шанса повлиять на собственную судьбу мирными обращениями к власти и тем самым толкало народ на улицу. Реакция общества на «Кровавое воскресенье» (а не само шествие рабочих к царю!) стала началом революции.

История - наука общественная, и как бы ни отгораживалась она от современности словом «фундаментальность», изменить потребность общества в изучении прошлого ради лучшего понимания настоящего и прогнозирования будущего нельзя. Т.Н. Грановский еще в середине XIX в. читал лекции по истории древнего Рима и Средних веков, а имел в виду современную ему Россию, и на его лекции шли толпы самых разных людей. Однако следует различать политическую спекуляцию истории и стремление показать современному обществу человека прошлого со сходными жизненными установками, разноплановыми проблемами и альтернативами их решений в разных ситуациях. Это, как представляется, и может являться одним из главных направлений в дальнейшем исследовании истории

революций и, в частности, революции 1905—1907 гг. в России.

Примечания

1 См., напр.: Огонек. 2005.24-30 января. С. 34-36; Аргументы и факты. 2005. № 1-2; Московский комсомолец. 2005. 22 января и др.

2 Современные учебные пособия называют Гапона то агентом полиции, то орудием в руках социалистов, которые жаждали крови и насилия для достижения своих бредовых и безумных целей и потому подставляли ни в чем не повинных людей под царские пули. (См.: История России (с начала XIX до начала XXI в). М., 2004. С. 360-361; «Новейшая отечественная история». XX век. Кн. 1. М., 2004. С. 74 и др.

3 См.: Рабочее движение в России. 1895 - февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. 1895 год. М., 1992; вып. II. 1896 год. СПб., 1993; вып. III. 1897 год. СПб., 1995; вып. IV. 1898 год. СПб., 1997; вып. V. 1899 год. М., 1998; вып. VI. 1900 год. М., 1999; вып. VII. 1901 год. СПб., 2000; вып. VIII. 1902 год. М., 2002; вып. GX. 1903 год. М., 2005 (в печати); 1904 год. М., 2005 (в печати).

4 Революция 1905-1907 гг. Документы и материалы. Начало Первой русской революции. Январь-март 1905 года. М., 1955 (далее - Начало революции). С. 15.

5 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 246.

6 ГА РФ, ф. 102. ОО, оп. 1, д. 832, л. 16.

7 Витте СЮ. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 342. Заявление автора статьи Б. Жирнова из журнала «Коммерсант!.. ВЛАСТЬ» от 17 января 2005 г. о том, что Витте «умышленно» не стал вмешиваться в решение данного вопроса, чтобы использовать «давление рабочих» на царя и «заставить его уступить», источниками не подтверждается.

8 См.: Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 178.

9 См.: Дневник кн. Е.А. Святополк-Мирской // Исторические записки. 1965. Т. 77. С. 241-249; Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М; Л. 1923. С. 43; Красный архив. 1930. J* 6 (43). С. ПО.

10 Кризис самодержавия в России. 1895-1917. М., 1984. С. 147. 11 З и м и н И.В. «Ближний круг» Николая II: лейб-хирург СП. Федоров // Клио. СПб., 2004. М° 3 (26). С. 266.

12 Признавая, что пункт № 3 в указе составлен под его, Витте, «непосредственным руководством», он говорил так: «Что же касается повеления его величества дать ему совет, то я по совести должен сказать следующее: привлечение представителей общества особенно в выборной форме, в законодательные учреждения есть первый шаг к тому, к чему стихийно стремятся все культурные страны света... Если его величество, взвесив значение этого пункта,... со своей стороны находит, что такой образ правления недопустим, ...то, конечно, с этой точки зрения осторожнее было бы пункт этот не помещать». (Витте СЮ. Указ. соч. Т. 2. С. 334). В.Н. Коковцов через много лет в воспоминаниях писал о 2 декабря 1904 г., что тогда он и другие министры были «более или менее случайными участниками в обсуждении мер, которых они ни предупредить, ни отворотить не могли» (Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 59).

13 Т р у б е ц к а я О.Н. Из пережитого // Современные записки. Т. 14. Париж. 1934. С. 29-30.

24

В своих воспоминаниях Коковцов, осознав задним числом роль стачки на Путиловском заводе в раз-событий в столице, обвиняет во всем «власть в центре», «безвольного министра внутренних дел» и Ватте, который «должен был вмешаться в конфликт». (Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 60).

15 Г а п о н Г. Истории моей жизни. Изд. 3. М., 1990. С. 27. 16 Кризис самодержавия. С. 196.

17 Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 331-332. 18 Начало революции. С. 19-20, 31-33.

Записки Георгия Гапона (Очерки рабочего движения в России 1900-х гг.) М., 1918. С. 63; Сверчков Д.Ф. На заре революции. Л., 1925. С. 85—90. Подлинник письма не сохранился.

20 Витте С.Ю. Указ. соч. С. 341.

21 Дневник кн. Е.А. Святополк-Мирской. С. 71; Дневники императора Николая П. С. 245. Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 62.

22 Красная летопись. 1922. № 1. С. 43.

23 Дневники императора Николая П. С. 246.

Правительственный вестник. 1905. 20 января. ^ ^Цит.по кн.ГТроцкийЛ. 1905. Сочинения. Т.Н. Ч. I. М.; Л., 1925. С. 80.

6 2005 г.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ БРИТАНСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Специальный корреспондент британской газеты «Manchester Guardian» Гарольд Вильямс - человек, обладавший феноменальными лингвистическими способностями (он знал 58 языков) и прекрасно осведомленный о российской действительности, был свидетелем и непосредственным участником событий в нашей стране начала XX века. Он родился 6 апреля 1876 г. в Новой Зеландии в семье методистского пастора. Уже в детстве обнаружилась удивительная способность Гарольда к языкам. В 14 лет он опубликовал в одном из крупных филологических журналов Новой Зеландии собственные грамматику и словарь языка дубуанцев, жителей Новой Гвинеи. Казалось, карьера Вильямса была предопределена - перед ним открывалась дорога ученого-филолога. Однако академическая деятельность казалась ему скучной и холодной. Гораздо больше его привлекала журналистика. С 1903 г., приехав в Европу, он сотрудничал в крупнейшей британской газете «Times». В то время Вильямс еще был студентом Мюнхенского университета и писал для британской публики статьи, посвященные деятельности русской оппозиции, главные центры которой были сосредоточены именно на территории Германии.

Россией Вильямс заинтересовался еще в Новой Зеландии. Познакомившись с творчеством Толстого, он буквально влюбился в далекую страну. Интерес этот, возможно, подогревался и тем, что русский язык, в отличие от остальных, давался ему далеко не просто. Он принимался за него несколько раз, однако «победителем из этой лингвистической схватки» вышел только тогда, когда попал в русскую среду: первыми русскими друзьями (ими стали П.Б. Струве и А.В. Тыркова) Вильямс «обзавелся» в Мюнхене в Штутгарде. Общение с лидерами оппозиции не прошло бесследно: молодой репортер проникся идеалами свободы, равенства, социальной справедливости, которыми был полон и сам. Долгожданный шанс попасть в Россию представился Гарольду Вильямсу в 1904 г., когда знаменитая британская газета «Manchester Guardian» пригласила его на должность специального корреспондента в этой стране. Ни минуты не раздумывая, Вильямс покинул обжитые уже места, чтобы сразу оказаться в гуще драматических событий, сотрясавших в то время империю. Спустя месяц после своего приезда в Россию он отправил в Англию первый серьезный материал - им оказался репортаж о

25

«Кровавом воскресеньи». С тех пор его статьи стали появляться в «Manchester Guardian» регулярно.

Гарольд Вильямс работал в России в течение долгих 14 лет. Он пережил страшные события трех российских революций, Первой мировой и Гражданской войн. Находясь в самой гуще событий, журналист яснее увидел достоинства и недостатки самодержавия, так и освободительного движения, безоговорочным сторонником которого он выступал в первые годы пребывания в России. Вильямс не ограничивался только журналистской деятельностью; он активно участвовал в развитии и укреплении русско-английских отношений. В 1916 г. под эгидой Форин Оффис и под руководством Вильямса в Петрограде был создан британский Комитет пропаганды, где он, соотру) чая с представителями русской прессы, делал все возможное, чтобы максимах сблизить союзников по войне с Германией.

После начала Гражданской войны Гарольд Вильямс и его жена, известная жу] листка и

член ЦК кадетской партии Ариадна Тыркова покинули Россию. Однако п] /гически сразу Вильяме был привлечен к участию в Комиссии по русским делам председательством английского посла в России Дж. Бьюкенена. Будучи сторонни либеральных реформ, журналист выступал за интервенцию иностранных государ Как член Британской военной миссии он сам ездил в штаб Белого движения, где б довал с А.И. Деникиным. После поражения белых Вильяме с семьей вновь вынужен был бежать из России сначала в Турцию, а затем в Сербию. В начале 1920-х гг. оі реехал в Англию, где сразу же получил место редактора иностранного отдела га; «Times», в которой и проработал вплоть до своей внезапной смерти в ноябре 1928

Современники характеризовали Гарольда Вильямса как самого блестящего ин ранного корреспондента в России того времени. Его статьи и доклады на протяж< долгих лет являлись основным источником информации о внутренней политике Ро для британского посольства и общественности. Он всей душой болел за Россию, с милея сделать все от него зависящее для укрепления русско-английских связей. М< тем ни в российской, ни в англо-американской историографии его личность и дея! ность практически не исследовались.

Ниже публикуются переводы некоторых статей Вильямса, написанных им для і ты «Manchester Guardian», полный комплект которых просмотрен публикатором в танской библиотеке¹. Перевод с английского и публикация Пола Симмонса, аспирант Оксфордского университета (Великобритания). Даты корреспонденции, как и в ој нале, даются по новому стилю.

ИНТЕРВЬЮ С ГАПОНОМ

Санкт-Петербург,

<...> Этим утром я навестил отца Гапона, который с большой охотой рассказа; о задачах, стоящих перед его Собранием, и о целях, которых он хотел достичь, орі зуя эту стачку. Он произвел на меня очень благоприятное впечатление. Он был г в общении, очень искренен, и из беседы с ним явствовало, что он не испытывает рых чувств к сторонникам существующего порядка. Он осознает чрезвычайную < ность своего настоящего положения, понимает его значение и полон решимости нести любую жертву, какую могут потребовать от него обстоятельства. Он молод жется, не старше 32 лет², - темноволосый, мелкого телосложения, с выражением человека, способного на великий подвиг. Он может быть и не лидер по натуре, ж ко представить в нем силу, способную завоевать расположение рабочих, которь посвятил всю свою жизнь.

<...> Он был назначен священником в Пересыльную тюрьму и вел занятия у ступников, приговоренных к каторжным работам. Об этом он до сих пор говори! ромным энтузиазмом. Однако на собственном опыте он убедился, что для повып

26

уровня жизни рабочего класса требуется нечто большее, чем образовательные и благотворительные общества. Поэтому он запросил в прошлом апреле разрешение образовать общество, которое под названием «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» получило в последнее время широкую известность. Согласно уставу Собрания, одобренному правительством, его целью является всего лишь распространение грамотности и взаимопомощь среди рабочих. Особые меры были приняты для обеспечения невмешательства полиции. Но главная цель, по словам отца Гапона, - организовать рабочих, чтобы дать им возможность расширить свои экономические и политические права, поскольку, заявляет он, при существующем режиме рабочим невозможно обеспечить удовлетворение своих экономических требований. Тот факт, что организация стремится добиться для рабочих политических прав, придает настоящей стачке очень большое значение. Видимо, когда стачка достигнет пика, будут представлены некоторые политические требования, сформулированные в петиции, которую сейчас подписывают рабочие. Отец Гапон ожидает, что забастовка распространится на все заводы Санкт-Петербурга и его окрестностей, и надеется, что она станет средством, которое позволит обеспечить политические реформы. Рабочие, вероятно, смогут продержаться месяц, если работодатели откажутся удовлетворить их требования. Был создан стачечный фонд, который сможет обеспечить на это время 22 тысячи рабочих из расчета по 70 копеек в день

на каждого. Собрание насчитывает всего 6 тысяч членов, однако уже приобрело огромное влияние и у других рабочих. Когда отца Гапона спросили о его отношении к социалистическим партиям, он сказал, что цели его организации почти те же, но поскольку отношение лидеров этих партий к рабочим далеко от совершенства, он считал, что будет лучше создать собственную организацию.

Его движение не имеет никакой связи с Церковью, более того, отец Гапон резко высказывается против нее. Он сказал, что она обречена; ей не удалось выполнить свою миссию, и она превратилась в главное препятствие на пути прогресса. «Церковь - слуга чиновников, а они - негодяи». Он отметил существенное влияние церкви на рабочих, связанных с разными филантропическими обществами. Что касается его положения как священника, он начал чувствовать угрызения совести, и если в результате движения его отстранят, он уйдет без сожаления. Он говорил о возможном развитии стачки. В данный момент рабочие соблюдают порядок, но многое зависит от действий полиции. Если она пойдет на насилие или тронет кого-нибудь из лидеров движения, они восстанут с оружием в руках. То же самое случится, если работодатели будут упорствовать и отказывать рабочим в их требованиях. Возможно также, что движение распространится и на другие города. В целом сложившаяся ситуация очень серьезна.

Interview with Father Gapon. A Remarkable Career. Manchester Guardian. January, 24.1905. P. 6.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С ГАПОНОМ

Санкт-Петербург, пятница

Сегодня я получил возможность присутствовать на одной из встреч с рабочими, которые отец Гапон почти ежечасно организует в разных концах города. Стоит сказать о том, что благоприятное впечатление, полученное мной из нашей вчерашней беседы с лидером движения, резко изменилось после того, что я увидел во время этого собрания. В невысокой зале на окраине города стояла плотная толпа рабочих, нетерпеливо ожидавших прихода священника. Большинство лиц были открытыми и простыми, выражение у многих - почти детское. Отец Гапон появился в красной рясе, с румяным лицом и глазами, сверкающими от неестественного возбуждения. Он махнул толпе рукой, и воцарилась тишина. «Здравствуйте!» - воскликнул он. «Здравствуй, батюшка!» -

27

ответили они. «Желаю вам успеха в борьбе за ваши права!» «Спасибо, батюшка!» - раздалось в ответ. Потом священник быстро и нервно начал говорить о поведении руководителей Путиловского завода. В отрывистых и простых выражениях он объяснил рабочим, что их эксплуатируют и унижают, фабричные инспектора полностью подчиняются капиталистам, и рабочие должны бороться за свои права. Его речь была прервана криками одобрения толпы, повторяющей слова Гапона. Он выступал против чиновников, говоря, что они не дают народу свободу. «Свобода!» - воскликнула толпа огромным энтузиазмом. «Если, - продолжал он все в той же торопливой, невыразительной манере, - если царь не удовлетворит наши требования, то долой царя!» «Долой царя!» - закричала толпа. Потом, призывая народ к большой демонстрации в воскресенье, Гапон прочитал петицию, которую собирался представить царю на следующий день. Основные требования: политическая амнистия, созыв Учредительного собрания, всеобщее избирательное право, отделение Церкви от государства, отмена косвенных налогов, передача земли народу и отмена института фабричных инспекторов - представляли собой странную смесь известных либеральных и других самых наивных и заведомо невыполнимых требований. Отец Гапон сделал попытку объяснить некоторым наиболее невнятные фразы, но было видно, что толпа не понимает значения петиции и энтузиазм, с которым она встречала чтение, был почти болезненным: они выглядели как люди, находящиеся в гипнотическом трансе. Заключительная фраза петиции имела силу, что страдания подписавших ее столь велики, что возможным облегчением будут свобода или смерть. Прочитав ее, Гапон поднял свою руку и заставил мужчин поклясться, что они придут в воскресенье на место сбора во всеоружии. «Мы клянемся!» - закричали люди, и над толпой вырос лес поднятых рук. «Если они тронут нас, если они причинят нам боль, мы будем бороться до смерти!» «Мы умрем! - радостно

крича толпа, - Мы умрем!» Затем оратор, произнес несколько прощальных слов, соіеј трибуны, сопровождаемый возгласами «Спасибо, батюшка!» Это было странное и вс буждающее зрелище, однако было нечто ужасное в мысли, что эта невежественн; необразованная толпа готова броситься на неминуемую смерть по просьбе священ! ка, с такой легкостью говорившего о получении от царя уступок.

Недостаточное чувство ответственности

В беседе со мной отец Гапон сказал, что уверен: рабочим удастся дойти до Дворцовой площади, и полиция не осмелится им помешать. Он лично написал письмо мини ру внутренних дел, поклявшись своей жизнью и жизнью своих сторонников, что ц; вне опасности. За свою собственную свободу Гапон не опасается: полиция боится, а бочие в настоящий момент обладают огромной властью. Они способны взорвать і бой завод и положить конец военной промышленности в России на долгие годы. Ко я спросил у него, что он будет делать, если царь не выйдет, он заявил, что они бу ждать. «Царское Село не так далеко, а телеграф еще работает». - «А если он все раі не придет?» - «Тогда посмотрим». Он также добавил, что собирался провести заС товку в мае по возвращении эскадры Рождественского, но падение Порт-Артура убе ло его, что ему надо воспользоваться настоящей ситуацией.

Больше всего в речи Гапона поражает то безразличие, с которым он говорил о і возможности своей смерти или убийства своих последователей, и полное отсутствие о щения той огромной ответственности, которую он на себя взял. Он не оратор и, по димому, человек со средними умственными способностями и образованием. Секрет влияния на массы кроется, скорее всего, в способности апеллировать к эмоциям, верждения, что Гапон является агентом-provokatorом, кажутся невероятными, хо его карьере были моменты, говорящие об обратном.

Before the Massacre. Father Gapon as a Strike Leader. An Unfavorable Estim, t Manchester Guardian. January, 27.1905.

28

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Санкт-Петербург, вечер воскресенья

День был прекрасным; солнце мягко освещало бледно-голубое небо, на котором виднелись легкие облака. Стоял бодрящий мороз, и легкий ветерок дул с северо-запада. Я проснулся в ожидании великих событий, но до десяти было тише, чем в обычное воскресенье. Когда я около одиннадцати тридцати вышел на улицу с доктором Дилло-ном, корреспондентом «Дейли Телеграф», картина совершенно изменилась, и десятки людей, в основном рабочие в черных пальто и в шапках из овчины, спешили на север в направлении Невы. Это было удивительно. Мы знали, что на окраинах города были расположены войска, и недоумевали, почему рабочим разрешили пройти. <.. >

Мы взяли сани и поехали через Неву на Выборгскую сторону. Пересекая широкое белое пространство Невы, мы почувствовали всю красоту спокойного солнечного света, залившего небо, и город, и реку. В конце моста, на другой стороне, казаки стоя грелись у костра, поставив свои винтовки рядом. Чуть дальше мы встретили рабочих. Некоторые из них разбились на группы и выглядели бледными и беспомощными, другие медленно ходили, как казалось, без всякой определенной цели. Общим впечатлением были неясность и растерянность, и хотелось узнать, было ли отсутствие духа всеобщим и не выдохнется ли движение в целом. Извозчик сообщил нам, что на Васильевском острове собрались толпы людей, и мы направились туда. Но когда мы проехали по мосту, ведущему с Выборгской стороны на Петербургскую, мы обнаружили, что улицы заполнены народом, который направлялся нам навстречу, теснимый эскадроном казаков, медленно продвигавшихся вдоль дороги. Выехав на открытое пространство около Троицкого моста, прямо под орудия Петропавловской крепости, мы встретили отряд казаков, выстроившихся лицом к публичному саду, расположенному в центре пространства перед мостом. Объезжая сад и двигаясь вниз по Кронверкскому проспекту, мы вдруг столкнулись лицом к лицу с черной массой людей, медленно шедших к саду. Мы завернули в переулок и подождали, пока они минуют нас. Рабочие направлялись к царю заявить о своих требованиях, это было

грандиозное и трогательное зрелище. Большинство людей были в черных пальто и шапках, руки они держали глубоко в карманах. Они шли шаркающей походкой и неловко улыбались прохожим, как будто внезапная заметность сделала их застенчивыми. Процессия двигалась тремя рядами; впереди было несколько студентов, в том числе женщины. Некоторые сердито призывали зрителей присоединиться к ним. <...> Неожиданно мы встретили группу бегущих казаков, смеющихся от возбуждения. Раздался сигнал горна. Мы быстро повернули назад и последовали за спасающейся бегством толпой. К этому времени процессия рабочих вышла к саду и оказалась на расстоянии двухсот ярдов от казаков. Вдруг мы услышали треск винтовок - первый залп, за ним последовали второй, и третий, и четвертый, потом - молчание, и мы услышали крики и стоны. Позже мы узнали, что были убитые и раненые.

На Дворцовой площади

Мы вновь повернули к центру города во многом против воли извозчика, который находил это приключение «очень интересным». Мы приблизились к Зимнему дворцу с востока, соседние улицы были полны народа. Вокруг разъезжали казаки, ряды из казаков и жандармов не пускали народ на Дворцовую площадь, белую и чистую. Несколько солдат, стоявших на посту в центре площади, колотили друг друга кулаками, чтобы согреться. Величественный фасад дворца не выдавал никаких признаков жизни, а балкон, на котором должен был появиться царь и даровать своему народу свободу, был пуст. Казалось, что царь очень далеко. Плотная толпа шла от Александровского сада по западной стороне площади и пыталась прорваться через линию конной полиции. Полиция оттеснила ее назад, но, поскольку толпа продолжала напирать, атаковала ее, гоня народ по тротуарам Невского проспекта и избивая его кулаками. <...>

29

Страшная процессия

В большом читальном зале Публичной библиотеки интеллигенция (образован» и читающие классы) образовала стихийный митинг, чтобы обсудить, что следует лать. Кто-то начал читать петицию рабочих, но был прерван вбежавшим человек который заявил, что по толпе у Александровского сада было дано три залпа, и что м гие убиты. «На улицах идет борьба, - крикнул он, - и для петербургской интеллиген] будет вечным позором, если она не выйдет на улицу и не присоединится к рабочи Собравшиеся встали как один и поспешили на улицу. Они были бледны, но не чувст вали страха; адвокаты, писатели, профессора, студенты, женщины, старые и моло; вышли на улицу умереть с народом. <...> Когда мы ехали по Невскому проспекту, обогнали сани, за которыми бежали без шапок рабочие, выкрикивая противопра тельственные лозунги. В одних санях лежал раненый студент, в других - страшное и вратительное зрелище предстало нашему взору - мертвое тело студента с болы кровавой раной на левой стороне его головы. Товарищ поддерживал его, и рабо присоединились к этой страшной процессии, плача и крестясь на бегу <...>

Сомнений не оставалось. Царь написал свой ответ кровью, а народ, который в чение всей недели вел себя так мирно, впал в ярость <...>

The Fateful Sunday in St. Petersburg. Story of the Massa Manchester Guardian. January, 28.1905.1

БЕСЕДА С Л.Н. ТОЛСТЫМ
Суббота

<...> Когда-то его учение было здесь популярно - тогда репрессивные меры, по] довавшие после смерти Александра II, парализовали всю политическую и социалы активность и заставили людей искать утешение в доктрине воздержания и ненаси. Но теперь, когда надежда свободы пробудила политическую энергию каждого дум шего человека в стране, голос Толстого стал «гласом вопиющего в пустыне». Вел1 лепие его художественного дара признается, но ни один либеральный лидер не под] ет спросить у него совета о ведении политической агитации. Иностранцы думают і че. Нам все еще важно знать, что Толстой думает о великих событиях сегоднпя дня. И когда насилие поднимает голову, как это произошло недавно в Петербурге, да естественно обращаешься к величайшему из всех живущих русских людей за объяснением трагедии.

<...> После тревог Петербурга и мрачных предвестий Москвы, Ясная Поляна п< залась

гаванью мира. И вокруг личности Толстого, казалось, постоянно присутствовала гармония. Он был очень спокоен, как человек, чья борьба уже позади, и хотя он бодно говорил о недавних событиях и в традициях старого дворянства был добр и илив, чувствовалось, что его настоящая жизнь скрывается в отдаленном \ размышлений.

Естественно, именно с конституционного движения и начался наш разговор. С дня Толстого были очень краткими. «Оно опасно и бесполезно, - заявил он, - потому что сбивает человека с истинного пути. Конституция не сможет улучшить полож* дел; она не принесет свободы. Все правительства держатся насилием или угрозой н лия, а насилие противостоит свободе. Человек свободен только тогда, когда никто не может заставить его делать то, что он считает неправильным, а правильный путь каждого человека - воздерживаться от всякого участия в правительственных меро ятиях, не служить в армии, отказаться от правительственной должности и постоя ежедневно делать добрые дела. Агитация за конституцию может привести толь ложным результатам». <...> Он осудил кровопролитие и был шокирован, узнав

30

дробности, но заявил, что только этого и следовало ожидать от правительства, которое вынуждено держаться насилием.

«Вы не думаете тогда, - сказал я, - что это именно агитация среди рабочих привела к таким результатам?» - «Нет, нет, - воскликнул он, - я не мог бы так далеко зайти, чтобы сказать это. Я говорю только, что все движение за конституцию - движение в ложном направлении. Народ не хочет конституции, а те, кто за нее выступают, не знают народа. Несмотря на все их высказывания о любви к народу, на самом деле они не заботятся о нем по-настоящему и его презирают. Народ хочет только одного - земли».

<...> «А вам не кажется, - спросил я, - что лучше жить в условиях английской политической системы, чем русской? Посмотрите, например, на паспортный контроль, цензуру, на изгнание из страны по политическим мотивам». - «В Англии ничуть не лучше, чем в России, - заявил он уверенно. - Там, где насилие, люди лишены свободы. Мой друг Чертков, который живет в пригороде Christchurch, обязан платить налог на содержание музыкальной группы, которая выступает в городе, хотя он бы ее лучше вообще не слышал. Что касается изгнания, то оно очень слабо влияет на человека. Я уже двадцать лет жду его, и если это случится, меня это ничуть не тронет. Изгнание не может помешать вести истинный образ жизни. А свобода печати? Разве народу нужна свобода печати? Эти господа могут иметь свободу печати, чтобы высказывать свое мнение, если они хотят».

<...> «Журналистика, - уверял Толстой, - плохое дело. Газета обязана стоять за какой-то партией, в то время как сущность мысли заключается в ее независимости. И еще журналистика плоха, потому что она заставляет репортера работать спеша. Самое христианское занятие - это изучение языков, так как оно притягивает людей ближе друг к другу».

A Visit to Count Tolstoy. Views on the crisis. Some interesting Table-Talk. Manchester Guardian. February, 9.1905. P. 7.

ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ

<...> Сегодня Москва захлебывается в революции, повстанцы держат правительство в напряжении, земство тихо наблюдает за происходящим, а городские отцы тихо сидят дома. Адмирал Дубасов, получивший теперь место московского генерал-губернатора, ранее занимавшееся великим князем Сергеем Александровичем, находится в страшном недоумении, предпринимая при этом непомерные усилия для того, чтобы сдержать данное ранее клятвенное обещание о подавлении восстания. Уже четыре дня город находится в руках мятежников, которые оказывают ожесточенное сопротивление. Это похоже на настоящую революцию.

Утром, когда я приехал из Петербурга, город, казалось, был совершенно спокоен, как будто ожидал близкого праздника. Почти все магазины были закрыты, а окна многих защищены тяжелыми ставнями. Люди спокойно ходили по улицам, мальчишки продавали вчерашнее «Новое Время», уличные продавцы торговали, сани свободно разъезжали. Последствия восстания были заметны лишь в северной и западной частях города. У

Тверской улицы, там, где находится дом генерал-губернатора, стояли солдаты и запрещали проход на нее.

<...> Я пошел дальше в сторону Университета. «Выньте руки из карманов!» - крикнул мне один из часовых, и мне пришлось подчиниться, чтобы доказать, что я не прячу там револьвер. И тем не менее все было спокойно; сани плавно скользили по снегу, мужчины и женщины прогуливались без всякого страха. Вдруг раздался отдаленный шлепок, за которым последовал грохот. Голубоглазый бородатый мужчина, проходив-

31

ший мимо, посмотрел на меня и улыбнулся. «Они стреляют из пушек», - сказал он. Как выяснилось, взрыв произошел на Кудринской площади, не так далеко отсюда, полевые орудия стреляли шрапнелью по Новинскому бульвару прямо в толпу людей, которые естояли недалеко от Арбата. Стреляли несколько часов, по какому поводу - трудно сказать.

<...> Равнодушное спокойствие масс было удивительным. Страдали не революционеры, а любопытные наблюдатели, которые не смогли устоять перед соблазном выйти на улицу и посмотреть, как стреляют пушки. Не было паники, которую можно было бы ожидать, люди, находившиеся в пределах досягаемости пушек, спокойно прогуливались. «Ну, - сказал один из людей, - если Бог решит, что я должен умереть, я все равно умру; но если Бог решит, что пока мне умирать рано, я не умру, даже если буду стоять перед пушкой». И многие из них стояли и умирали, как будто по воле Бога.

<...> Постепенно становилось темно; идя вниз по Арбату, я увидел группу людей, а бравшихся вокруг потухшего костра. Баррикада, которую нельзя было убрать обычными средствами, была сожжена пожарными, но мужчины сразу же воздвигали на этом месте новую. Они бодро работали, не испытывая ни тревоги, ни страха, а толпа с интересом наблюдала за ними. «Давайте, товарищи! - крикнул один молодой человек, - вы не должны стоять и наблюдать; у нас много работы!» Со стен находившегося рядом полуразрушенного дома они ободрали доски; прикатали обуглившийся телеграфный столб, подобрали куски проволоки, создавая, таким образом, баррикаду. <...> К моему великому удивлению, я увидел, что двое работающих были в солдатской форме. «Со даты? Да многие из них помогают», - сказал прохожий. И я вспомнил, что среди революционного боевого отряда был как минимум один офицер, а потом задумал! насколько вера повстанцев в то, что солдаты перейдут на их сторону, далека от реальности. Было удивительно, что власти держали пехоту запертой в бараках и боролись: повстанцами лишь силами драгунов и артиллерии.

Дальше по улице был длинный ряд баррикад - одни непрочные, другие - более новаторские. Вывески, детские коляски, части забора, ворота, доски, телеграфные столбы, дрова, бутылки, кирпичи - все виды доступных материалов нашли себе место в этом импровизированном укреплении. Если идти неосторожно, то ваша голова может быть зашита шапкой из натянутой от одного фонарного столба к другому телеграфной проволоки. Проходы из боковых улиц были перекрыты баррикадами и служили препятствием для драгун, которые старались попасть на Арбат ночью. Чтобы быть уверенными, мальчишки разбили все фонарные лампочки, призвав в помощники только ногу. Нигде не было знака протеста или страха. Присутствовал лишь дух веселого приключения.

An Eye-Witness in Moscow. The Building of the Barricade Manchester Guardian. January, 2.1906. F

Медленно возвращаясь с веселых забаррикадированных улиц, где все друг другу варищи, я подошел к Тверской, которая была окутана темнотой и охранялась войсками. С любопытством наблюдая за происходящим, я услышал грохот сапог и топот лошадей. «Кто идет?» - крикнул охранник. «Солдаты на службе», - послышался от и тут же обрисовались смутные очертания лошадей, всадников и тяжелого орудия, артиллерия, выполнившая за день свою работу, уходила домой. <...> Было трудно идти в гостиницу. В некоторых местах часовые кричали: «Назад, назад!» в очень рожаящем тоне, но, сделав огромный крюк, мне удалось наконец-то дойти до Китайского города и «Славянского базара». Но кое-какие трудности все еще оставались. «Работает ли телеграф?» - спросил я. - «Нет!». - «А телефон?» - «Нет!». - «А поезда?» - «

ходили в Петербург до 5 : 45, но сейчас перестали, и никто не знает, когда опять начнут». Москва находилась в состоянии осады.

•;. Кто эти люди, захватившие город с миллионным населением? Каковы их цели и шансы на успех? Это боевая дружина, которая появляется и исчезает так загадочно, держащая любопытных и одновременно испуганных москвичей в невероятном напряжении. <...> Эти молодые люди живут своей мечтой. Они могут проиграть, они, возможно, спровоцируют серьезную реакцию, но последствия их храбрости и предприимчивости и демонстрация слабости тех, кто находится у власти, не пройдут бесследно. Давно разработанная схема действий революционных партий наконец-то была испробована на практике и на поверку оказалась не столь иллюзорной, как думалось раньше. Армия повстанцев была организована тремя органами: Советом рабочих депутатов, социал-демократами и социалистами-революционерами. Вместе они составляют корпус вооруженных дружинников. В основном членами корпуса являются молодые мужчины-рабочие, специально выбранные за их силу и храбрость, но есть и некоторый процент студентов и «интеллектуалов», и немало женщин-студенток. В их первоначальные планы входила организация похода на дом генерал-губернатора и передача власти временному правительству. Однако вполне возможно, что план сорвался из-за ареста лидеров в прошлую пятницу. Теперь в их намерениях - продержаться, чтобы дать время войскам перейти на сторону народа.

Москва постепенно привыкает к революции и не находит ее столь уж ужасной. Вы можете пройти по улице несколько сотен ярдов от места стычки и обнаружить беззаботно играющих детей, а звук пушек едва вызывает замечание у женщин, стоявших у шерей и болтающих со швейцарами. Цена провизии не выросла настолько, насколько можно было ожидать <...> Средний гражданин не испытывает серьезных лишений. Действительно страдают рабочие и их семьи. Именно рабочие несут на своих плечах бремя движения. <...>

Insurrection in Russia. How Moscow has Become Revolutionary. Manchester Guardian. 1 •* January, 6.1906. P.I.

Лрамечанья

1 British Newspaper Library. Colindale Avenue, London, NW9 5HE.

2 Георгий Аполлонович Гапон родился 2 мая 1870 г., и во время беседы с Вильямсом ему было не 32, ш Н года.

©2005г. М. А.ВОЛХОНСКИЙ*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В последнее время в современной западной и отечественной историографии а но развивается «новая история империй». В отличие от «старой», где основное в ние уделялось понятию империализма или милитаризма, в центре исследований н направления находится взаимодействие национального и имперского. Приоритет стали такие темы, как история элит, административное управление окраинами, и ские институты и мифы, взаимоотношения центра и периферии. Повышенное в ние к этим сюжетам во многом объясняется самим феноменом империй, объе; ших в течение длительного времени огромные территории, населенные различ по своей культуре народами. Поэтому понятен тот интерес, который вызывают следователей механизмы функционирования, выживания и причины распада имп

Несмотря на продолжающиеся дискуссии, большинство западных и отечеств! историков согласны с тем, что ключевую роль в падении империй сыграли наг лизм и идея национального государства. В середине XIX в. сохранившиеся на ев] ском пространстве континентальные империи оказались перед двойным вызов! стороны уже сформировавшихся национальных государств и пробуждавшегося і нализма народов, населявших эти империи. В этой ситуации «верхи» Австро-Ві ской, Османской и Российской империй были вынуждены пойти на ряд существ! реформ, направленных на достижение большей политической и экономической рализации и культурной однородности

своих государств. Главной причиной к{ континентальных империй было именно противоречие между этой тенденцией таризму и требованиями национально-территориальной и культурной автономии стороны национальных элит².

В Российской империи в середине XIX в. существование регионов с преобладающим нерусским населением постепенно превращалось в сознании правящей элиты в; сепаратизма и развала империи. В результате правительство все дальше отход: прежней политики толерантности и прагматизма в отношении национальных д ностей многочисленных нерусских подданных русского царя. На первый план і дарственной идеологии вышла доктрина «официального национализма»³ с лоз «Россия должна принадлежать русским». Суть нового курса, окончательно офс шегося при Александре III, заключалась в политике русификации - целом коті мероприятий, направленных на достижение социально-экономической, админ тивно-правовой и культурной интеграции национальных окраин⁴.

Однако этот курс воспринимался в правительственной среде далеко не одноз В результате кризисы, периодически охватывавшие окраины империи (Андиж; восстание в Туркестане в 1894 г., сопротивление финнов русификаторской пој генерал-губернатора Н.И. Бобрикова в 1898-1904 гг., конфликт главноначалы шего на Кавказе кн. Г.С. Голицына с Армяно-григорианской церковью в 1903 г. всякий раз становились поводом для острой полемики по поводу целесообразное сткой национальной политики. Одним из наиболее последовательных противнй литики русификации стал СЮ. Витте. В разговоре с А.Н. Куропаткиным в январе он четко определил свою позицию: «Давление, которое мы оказываем на ок] приведет нас скорее к революции, чем если бы мы дали окраинам относительну боду»⁵. По ряду вопросов Витте получал поддержку со стороны некоторых мии и членов Государственного совета: А.С. Ермолова, Н.В. Муравьева, А.Н. Куло

* Волховский Михаил Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Московск сударственного института международных отношений МИД РФ.

48

А.А. Половцова, Д.М. Сольского и др.⁶ В то же время ни Витте, ни поддерживавшие его сановники, говоря о необходимости уступок, очевидно, не имели определенной программы национальной политики, которая могла бы стать альтернативой политике русификации.

Опасения Витте в полной мере оправдались после начала революции 1905-1907 гг., которая придала мощный импульс национальным движениям, слившимся с рабочими и аграрными выступлениями и буквально взорвавшим окраины империи. Данная статья представляет собой попытку проанализировать влияние революционных событий на содержание национальной политики правительства и восприятие правящими кругами национального вопроса.

Указ 12 декабря 1904 г. В июле 1904 г. после убийства В.К. Плеве на пост министра внутренних дел был назначен виленский генерал-губернатор кн. П.Д. Святополк-Мир-ский, пользовавшийся репутацией умеренного либерала. На первой же аудиенции 25 августа он изложил императору план реформ, в котором одно из центральных мест занял вопрос об изменении политики в отношении национальных окраин⁷. «Для меня нет в нашем отечестве национальностей и иноверцев; для меня все - русские», - заявил министр в одном из интервью, вызвавшем сильное раздражение в консервативных кругах⁸. Не случайно основой политической программы Святополка-Мирского стал его отчет о двухлетнем управлении Северо-Западным краем, обративший на себя особое внимание Николая II. На заглавном листе отчета император написал: «Отчет этот представляет целую программу правительственной политики. Поручаю Комитету министров подробно обсудить и неотлагательно представить мне свои окончательные заключения по поднятым здесь общим вопросам ... »⁹. Этой резолюцией императора воспользовался председатель Комитета министров Витте, подавший ему мысль «объявить, в видах успокоения общественного мнения, особым указом о предстоящем рассмотрении ■ разработке в Комитете министров новой правительственной программы»¹⁰. В представленном по этому поводу всеподданнейшем докладе Святополк-Мирский настаивал на необходимости осторожного,

основанного на принципах веротерпимости и равноправия, пересмотра многочисленных ограничений нерусского населения окраин империи¹¹.

Как известно, после совещания в Царском Селе, император подписал проект указа о предстоящих реформах, предварительно вычеркнув пункт о введении выборных представителей в состав Государственного совета. Отсутствие этого ожидавшегося всеми пункта привело к тому, что в столицах указ 12 декабря не произвел почти никакого эффекта. Но на национальных окраинах его оценили должным образом, ведь в указе фактически содержалось обещание пересмотреть национальную политику, проводившуюся правительством на протяжении нескольких десятилетий¹². В Петербург хлынул поток петиций и прошений от нерусского населения, который еще более усилился после указа 18 февраля 1905 г., разрешавшего представлять проекты по «усовершенствованию государственного благоустройства». В декабре 1904 г. с рядом записок по проблемам Западного края и Царства Польского обратились в МВД представители польского дворянства. В них говорилось о необходимости отменить в Северо-Западном крае ограничения на приобретение земельной собственности поляками; восстановить дворянское и создать земское самоуправление; ввести польский язык во всех учебных, судебных и административных учреждениях края; допустить поляков к государственной и общественной службе; предоставить греко-униатам свободу вероисповедания; восстановить полноправность Римско-католической церкви во всех делах ее внутреннего управления¹³. В середине февраля 1905 г. с целью добиться смягчения запрета на изданные книги на украинском языке в Петербург прибыла депутация от украинской общечетвенности¹⁴. Витте поспешил заверить ее, что все ограничения украинского слова будут устранены в каких-то три месяца¹⁵. В том же месяце на имя председателя Комитета было послано несколько массовых петиций о равноправии евреев¹⁶. Делегации от «Бюро защиты евреев» и «Союза освобождения» Витте заявил, «что его нечего убеждать в том, что интересы России требуют уравнивания евреев в правах с остальным населением, и что даже в высших сферах по этому поводу не замечается сомнений¹⁷.

49

Одновременно к председателю Комитета министров обратились представители мянского духовенства с ходатайством о пересмотре закона 12 июня 1903 г. и возвращении имущества Армяно-григорианской церкви¹⁸. В Комитет поступила также жалоба от представителей грузинской общечетвенности с требованиями восстановления деятельности Грузинского и Имеретинского католиков, введения в школах преподавания грузинского языка и литературы, создания земских учреждений в Тифлисской и Кубанской губ.¹⁹. В марте 1905 г. петицию с предложением о реорганизации духовных учреждений мусульман, о развитии национального школьного дела татар, об отмене цензуры для татарской печати, а также ограничений прав мусульман передала в Комитет делегация мусульман Поволжья, Крыма и Кавказа²⁰. Таким образом, получалось, что указ 12 декабря, само вызвало волну общественного движения национальных окраин. Перед правительственными кругами встала дилемма: выполнить обещания и тем самым спровоцировать еще больший рост общественного движения, либо ничего не делать, что также чревато социальным взрывом. Между тем указ 12 декабря о пересмотре политики в отношении нерусского населения имел только в самых общих чертах. Главным источником информации о положении дел на окраинах стали в этих условиях именно петиции, собранные в канцелярии Комитета министров.

Комитет министров только приступил к рассмотрению положений указа 12 декабря, а трагедия 9 января уже дала новый толчок оппозиционному движению на национальных окраинах. В Царстве Польском и Западном крае начались массовые забастовки рабочих и национально-религиозные манифестации с требованиями восстановления польской и создания литовской национальной школы. Активизировали деятельность уже существующие и стали появляться многочисленные новые национальные партии и объединения. В Вильно прошел учредительный съезд «Юза достижения полноправия еврейского народа»²¹. В Прибалтике весна и лето шли в непрерывных забастовках рабочих в городах и сельских рабочих в сельской местности. В Курляндии и южной Лифляндии крестьяне отказывались платить подати и начали создавать органы революционного самоуправления. Постепенно

аграрно(жение радикализировалось, что проявилось в первую очередь в начавшихся погр поместий местного дворянства. В начале 1905 г. образовались Латышские демок ческая и конституционно-демократическая партии, в программах которых сод< лись требования национальной автономии для Латвии. В Закавказье в течение в& лета 1905 г. все большую остроту приобретал армяно-азербайджанский конфликт ложнявшийся конфликтом армянского образованного общества с русскими влас В Грузии активно развивалось аграрное движение, крестьяне взяли под свой конг значительную часть Кутаисской губ. и провозгласили «Гурийскую республику восточных окраинах в Казахстане, Сибири и Туркестане социальные движения н ходили за рамки составления петиций с требованиями равноправия и национа культурной автономии. Наибольшей активностью отличалось общероссийское д: ние мусульман, первый съезд которого прошел в августе 1905 г. в Нижнем Новгс

Наблюдая стремительное развитие революционного движения, Витте стал о ваться в эффективности ставки на умиротворение страны с помощью обещан письме от 19 января 1905 г. Куропаткину, указывая на войну как главную причину ты, он писал: «А к тому же и ранее войны общество порядочно ненавидело прави ство. Ведь русских людей (по Вашему выражению, старших братьев) в России 5 44% евреев, финляндцев, немцев, поляков, армян, татар, которые и до войны, всг вие нашей политики, правительство ненавидели. Теперь и первые 50% начали крк "Ну, что же с нами правительство наделало?". В конце письма подводился неуг тельный итог: «При таких обстоятельствах что значит указ 12 декабря? Того, чт предначертано, я добивался 10 лет. Все были глухи. Если бы на путь указа стали Горемыкина, - он бы принес много пользы, он бы укрепил самодержавный реж 10 лет. После Сипягина тоже, он бы даже принес пользу после Плеве, а теперь не! я от него ожидаю. Нужно проводить указ, а там Бог даст ...»22.

50

Указ 17 апреля об укреплении веротерпимости. Собравшийся 25 января 1905 г. в Мариинском дворце Комитет министров приступил к обсуждению шестого пункта ука-ж 12 декабря об укреплении начал веротерпимости. Отличительной чертой русского иконодательства было то, что оно обеспечивало не свободу веры, а только веротер-лммость. Формально с вероисповеданием не связывались ограничения в гражданских правах (с исключением для евреев-раввинистов). Закон основывался на общем принци-к, согласно которому каждый подданный империи должен был оставаться в той вере, в какой рожден. Вместе с тем, поощряя переход иноверцев в православие, закон запрещал переход обратно23. В 1880-е гг. активное и жесткое применение законодательства ■ этом вопросе на восточных и западных окраинах империи привело к образованию шачительных групп так называемых «упорствующих». Вопрос об «отпавших», по мне-шю Комитета, приобрел с этого времени «более политическое и национальное, чем вероисповедное, значение»24. Согласно данным, представленным Департаментом ду-жжных дел иностранных исповеданий МВД, в Прибалтийском крае насчитывалось «коло 30 тыс. «упорствующих», в губерниях Западного края и Царства Польского -ШЮ тыс., в Поволжье также имелись многочисленные группы татар, перешедших из щцстианства обратно в ислам25.

Проанализировав ситуацию, Комитет министров принял принципиальное решение: Тризнать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание :i вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо ■ _-выгодных в отношении личных или гражданских прав последствий...». Следствием зого подхода было также решение исключить из числа православных всех, кто фак-чески исповедовал иную веру. В то же время в журналах Комитета особо оговарива-;ь, что данное решение не должно подрывать основы господствующего положения гавославной церкви в империи. Закон об исключительном праве Православной ;->кви привлекать последователей по-прежнему сохранял силу26. Большинство чле-з Комитета, а также приглашенные из Государственного совета Н.С. Таганцев, Л. Сабуров и А.Н. Куломзин единогласно поддержали проект указа. Против выступали товарищ обер-прокурора В.К. Саблер, член Государственного совета Н.М. Чиха-"чев и государственный контролер П.Л. Лобко. Соппротивление попытался оказать вбер-прокурор К.П. Победоносцев, но, встретив отпор со

стороны большинства членом Комитета, «сделался больным и в заседаниях не участвовал»²⁷. В начале марта иерарх-прокурор еще раз попытался изменить ход работы Комитета, обратившись с письмом к императору. Предостерегая от уравнивания католичества с православием, он писал: «Освобождение римско-католического духовенства от ограничений... грозит нам не только стеснением Православной церкви, но и ополчением многочисленного русского населения в искони русском крае». Еще большую опасность, по мнению иерарха-прокурора, представляло «предоставление свободы мусульманской пропаганды, что неизбежно вело к «омусульманиванию» массы инородцев, которые составят эдакие русские губернии (Казанской, Пензенской, Саратовской и др.) «громадную мусульманскую силу»²⁸. Но журналы Комитета были утверждены царем без всяких изменений и дополнений.

Необходимо отметить, что и указ 17 апреля 1905 г. об укреплении веротерпимости не означал изменение религиозно-национальной политики правительственных кругов только в общих чертах. Оставалось нерешенным множество острых вопросов, затрагивавших религиозно-национальную жизнь нерусского населения окраин. Одним из них был затяжной конфликт между русскими властями и Армяно-григорианской церковью. Признавая, что положение 12 июня 1903 г. о передаче управления имуществом некой церкви в ведение государства противоречит действующему законодательству об Армяно-григорианской церкви, Комитет предоставил решение этого вопроса епископу на Кавказе²⁹ (наместничество было восстановлено 26 февраля). Прибыв в мае 1905 г. на Кавказ наместник князь И.И. Воронцов-Дашков сразу приступил к решению армянского вопроса³⁰. Уже 1 августа указ «О возвращении в ведение армяно-эрианской церкви недвижимых имуществ, переданных в Министерство народного просвещения...» был рассмотрен и утвержден Николаем III.

51

Издание указа 17 апреля было напрямую связано с переоценкой правительством значения религиозного фактора для национальной политики в Российской империи. На одном из заседаний члены Комитета обратили внимание на тенденцию отпадения населения администрацией Северо-Западного края польского происхождения и католического вероисповедания. В результате, полагали члены Комитета, в административной и законодательной практике исчезло «различие племенного и вероисповедного знаков», и ограничения, направленные против поляков, стали распространяться на всех лиц, исповедующих католицизм³². Отмечая опасность такой тенденции, Ксенофоров сослался на упоминавшийся выше отчет Виленского генерал-губернатора за 1902-1903 г. где отмечалось, что белорусы-католики, «поднимаясь по общественной лестнице часто примыкают, благодаря низкой ступени их национального развития, к польской народности». Основной причиной такого явления, по мнению Святополка-Ирвинга была деятельность самого правительства, «которое привыкло не признавать истинное все то, что не православного исповедания». В 1904 г. Николай II наложил резолюцию «К сожалению, до сих пор было так»³³. По мнению Комитета, национальной политики значимым должен был остаться только «племенной критерий» не религиозный.

Консервативно настроенные придворные и правительственные круги с возмущением встретили указ 17 апреля. В день его выхода А.В. Богданович записала в дневнике «Возмутительно утвержденное сегодня положение Комитета министров об укреплении веротерпимости. Говорят, что Витте вырвал у царя это утверждение, что теперь окраины наши совсем уйдут из-под русского влияния»³⁴. Как бы подтверждая эти опасения, летом 1905 г. в Петербург стали приходить известия об отпадениях от православия. По собранным Святейшим Синодом сведениям за 17 апреля 1905 г. по декабрь 1907 г. в 9 западных и юго-западных епархиях в католичество перешло 170 936 человек. В 14 поволжских, приуральских и западносибирских губерниях в мусульманство перешло 36 299 человек. По трем прибалтийским и одной губ. в лютеранство перешло 10 964 человека. В отчете обер-прокурора за 1907 г. прямо озвучивался прежний взгляд на соотношение национальной и религиозной идентичностей: «Русский человек остается русским, пока держится православие (но он становится поляком, татарин, немцем и т.д., как скоро принимает римско-католичество, магометанство, лютеранство»³⁵. В мае 1905 г. в Департамент полиции поступали сообщения из жандармских управлений западных и польских губерний об необычайной активности католического духовенства. Отмечались факты об епархиях католическими епископами,

сопровождавшихся демонстративными (ми и проводами, которые «неизменно носили характер национально-польски] ставлялись большою торжественностью»³⁶.

В Петербурге были удивлены и растеряны. 13 мая 1905 г. император принял ского викарного епископа Евлогия. «Кто мог подумать! Такой прекрасный указ кие последствия», - удивлялся Николай II, выслушав рассказ о «религиозной ему званной законом о свободе вероисповедания»³⁷. Проявившаяся вопреки ожи, Комитета тесная связь между религиозным и национальным самосознанием нас западных губерний заставила правительство обратиться к жестким администра! мерам. В ответ на запрос товарища министра внутренних дел Д.Ф. Трепова о т кие меры были приняты «против подобного демонстративного проявления пс патриотических тенденций», Варшавский генерал-губернатор сообщил, что в бернаторам 17 июня был разослан циркуляр с приказом «привлекать виновны: роистве при встрече епископов бандерий, в ношении запрещенных костюмов,; и т.п. к ответственности»³⁸.

В это же время в канцеляриях МВД срочно разрабатывались подзаконные а* щественно ограничивавшие применение указа о веротерпимости. Департамент ных дел иностранных исповеданий МВД 28 мая 1905 г. представил проект врев правил, согласно которым все заявления о желании перейти в другую веру долж ли проходить через руки губернатора. В отношении «упорствующих» губернат зан был убедиться, что подавшие прошение или их предки действительно когда-надлежали к другой религии. Что касается православных, то губернатор долж

52

выяснить через православные епархиальные власти причины перехода и были ли при- вкаты меры «увещания». Только после этого переход из православия разрешался, о чем губернатор сообщал местному православному духовному начальству³⁹. Комитет министров рассмотрел и в целом одобрил проект МВД. В циркуляре губернаторам от 18 августа 1905 г. министр внутренних дел указывал на необходимость установления месяц-ного промежутка между подачей заявления и формальным переходом в другое исповедание, чтобы «дать возможность увещания отпадающего со стороны православного духовенства»⁴⁰. Реакция на местах последовала незамедлительно. Вспоминая о своем пребывании на посту минского губернатора, П.Г. Курлов писал, что не мог уяснить аричин запрещения со стороны правительства «бандерий»⁴¹. Явная непоследовательность политики правительства вызывала недоумение у местной администрации и еще большее недовольство у населения⁴².

Новый курс национальной политики и Комитет министров. Указ 12 декабря пред- полагал «пересмотр действующего законодательства, ограничивающего права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи». Эта размытая формулировка настоятельно требовала дополнительных разъяснений. На одном из первых заседаний Комитета Витте сформулировал главные принципы решения национального вопроса: «Наилучшим средством объединения с Россией многочисленных входящих в состав ее вародностей являлось бы такое законодательство, которое, наряду с соблюдением общегосударственной пользы, в достаточной степени обеспечивало бы интересы их и да-шало бы им возможность улучшить свое экономическое благосостояние и развивать юои духовные силы. Такое законодательство, вызывая чувство любви и уважения подчиненных народов к господствующему, должно устранить или хотя бы значительно ослабить племенную рознь и недовольство»⁴³. При таком подходе кардинально должно @ыло измениться содержание национальной политики, главной целью которой оказывалось теперь достижение социально-экономической и политической стабильности на «окраинах. Сформулированные Витте новые принципы национальной политики правительства стали основанием для пересмотра таких острых для нерусского населения во-аросов, как земельный и школьный.

Внимание Комитета министров сразу привлекла проблема польского землевладе-■вля в Западном крае. В поле зрения сановников снова попал отчет Святополка-Мир-схого за 1902-1903 г., в котором приводились факты отрицательного воздействия ограничительных мер на экономическое положение края. Стеснение местных землевладельцев в праве распоряжения собственностью, говорилось в отчете, уменьшало ариток серьезных покупателей и

привлекало только спекулянтов. В результате «сельское хозяйство падает, местность беднеет, подъем культуры замедляется». С другой стороны, цель, преследовавшаяся правительством со времени польского восстания 1863-1864 гг., по мнению Комитета, в большинстве западных губерний была уже достигнута. Только в Ковенской и Виленской губерниях русское землевладение еще не «равнялось с польским. Вместе с тем, полагал Комитет, за 40 лет, которые прошли со времени восстания, «среди населения Западного края наступило успокоение, и идея сепаратизма мало-помалу исчезает из умов»⁴⁴.

Угроза целостности Российской империи, таким образом, исчезла, но зато появился новый враг - «распространение вредных учений, стремящихся к социальному уравниванию жиц всех сословий и к крайней демократизации». Перед лицом этого врага государство ■алжно было сплотить все благонамеренные классы общества. В этой ситуации польские землевладельцы как наиболее консервативный слой могли стать опорой в борьбе с «вредными социальными учениями». Чтобы привлечь их на сторону правительства, требовалось, в частности, смягчить ограничения в праве распоряжения собственностью. Другим консервативным элементом в Западном крае, на который могло опереться правительство, являлось крестьянство. Отмена законов, лимитирующих земельную собственность крестьян-католиков, привела бы к увеличению «класса мелкого и среднего землевладения, который везде принадлежит к самым консервативным элементам и является оплотом против противогосударственных и противообщественных учений»⁴⁵.

Таким образом, перед лицом наступавшего социально-политического кризиса центральной власти приходилось корректировать национальную политику в Западном крае,

53

делая ставку на социальную солидарность с местной национальной элитой. В утвержденном 1 мая 1905 г. журнале Комитета министров польским землевладельцам в преде. 9 западных губерний разрешались аренда, а также приобретение и принятие в залог мельной собственности от лиц польского же происхождения. Отменялось положение Комитета министров от 27 января 1901 г. об ограничении принадлежащего крестьян католического исповедания права приобретения земельной собственности⁴⁶.

Вопрос о школьном образовании нерусского населения приобрел для правитель ва принципиальное значение еще с середины XIX в. Русская школа рассматривалас Петербурге как самый мощный инструмент русификации окраин. Единой программ использования школьного образования для ассимиляции «инородцев» не существо ло, но постепенно сформировались 2 альтернативных подхода. В 1860-х гг. известный педагог и миссионер Н.И. Ильминский разрабатывал специальную систему «инородских» училищ. В основе ее лежало использование местных языков для облегчения воения русского языка и других учебных предметов. В 1870 г. эта система получила конодательное оформление в утвержденных правилах для инородческих училищ. В же время в 1880-е гг. в Западном крае и Царстве Польском преобладал другой под: к обучению нерусского населения, главным принципом которого было преподава) исключительно на русском языке. Идею полной русификации начального и сред» образования на национальных окраинах активно поддерживало Министерство нар ного просвещения, но она встретила предсказуемое сопротивление местного населения. В губерниях Царства Польского и Северо-Западного края активно развивал^ тайное обучение польскому языку и литературе. В Остзейском крае в ответ на русификацию образования остзейское дворянство и духовенство перестало финансировать начальные школы и училища, которые стали закрываться. Между сторонниками д альтернативных систем обучения шла острая полемика⁴⁷.

Ставя вопрос о школьном образовании в Западном крае, Витте пытался сыграть противопоставлении потенциально «мятежным» полякам «лояльных» литовцев⁴⁸, предлагал разрешить в начальных школах преподавать на местных языках при обязательном изучении русского языка как государственного, позволить ввести в программу средней школы для местных жителей преподавание литовского языка и других: стных наречий. В прибалтийских губерниях предполагалось упорядочить и регламентировать отношения коронной администрации и местных евангелически-лютеранских органов. На восточных же окраинах, по мнению Витте, должны были открываться школы только того типа, который был

создан Ильминским⁴⁹.

Сохранились экземпляры рассылавшихся перед заседаниями Комитета министров вопросников с пометками министра народного просвещения В.Г. Глазова. По ним можно судить о характере развернувшихся в Комитете дискуссий. Напротив пункта о поддержке развития национального сознания у «племен» Западного края министр лично написал: «От этого отказаться». Не вызвали сочувствие у Глазова и другие пункты преобразований в начальной и средней школе края. «Это немыслимо, в % руса больше», - отметил он на полях против пункта о введении в начальной школе преподавания на местных языках. Недоумение вызвало и предложение о преподавании в средней школе местных языков: «Безусловно, нельзя; преподавать какое, например наречие литовского языка?»⁵⁰.

Однако Витте сумел настоять на своем главном требовании: «Учебные заведения существуют не для целей политических, а должны преследовать задачи педагогические, т.е. получение знаний». При отсутствии преподавания местных языков, говорилось в журнале, школа не пользуется популярностью у населения и не выполняет своей главной функции - просвещения народа. На первом месте среди предметов преподавания, конечно, должен оставаться государственный русский язык, необходимый для приобщения к общей жизни страны. Но внимания требует и родной язык ученика - «предмет наиболее ценный для каждого сознающего свою принадлежность к своему племени». Оставалось только выяснить, какие из наречий «настолько филологически обособились и развились, что могут стать предметом преподавания»⁵¹.

Особое внимание сановники обратили на вопрос о целесообразности употребления в начальной школе «малороссийского и белорусского наречий». Еще в декабре 190

ограничения на издание книг на малороссийском языке члены Комитета признали по-верявшими свое значение. И все же отменить сразу все запреты показалось невозможным. Министры внутренних дел и народного просвещения должны были запросить дополнительные сведения в Академии наук, Киевском и Харьковском университетах, а также получить заключение от киевского генерал-губернатора⁵². Несколько месяцев специально созданная комиссия при Академии наук под руководством академика Ф.Е. Корша трудилась над подготовкой аргументированного ответа правительству. В подготовленной в середине марта 1905 г. записке особо подчеркивалось, что государство, которое не умеет обеспечить одного из элементарных прав гражданина - права говорить и печататься на родном языке, будит в гражданине страх и недовольство, что влечет революционные выступления⁵³. Комиссия ученого совета Харьковского университета пошла еще дальше, предложив не только уравнять в правах украинскую и русскую литературу, но и ввести в начальных школах преподавание на украинском языке. Однако это предложение встретило упорное сопротивление со стороны министра народного просвещения⁵⁴. В результате Комитет решил: «Малороссийское и белорусское наречия столь близки русскому языку, что совместное преподавание их не вышвается потребностями дела». В то же время литовский и польский языки, имевшие свою литературу, по мнению Комитета, могли быть введены в курс обучения, но только там, где большинство учащихся принадлежит к соответствующей народности. При отсутствии же «четко выраженного преобладания» преподаваться должен был язык, «объединяющий все эти народности, — русский как государственный».

Обсуждая вопрос о национальной школе в Прибалтике, Комитет министров, как и в случае с вопросом о польском землевладении, предпочел руководствоваться принципами социальной солидарности. Подчеркнув лояльность прибалтийского дворянства, сановники еще раз подтвердили, что «нельзя из школ делать орудия искусственного проведения обрусительных начал». Однако реальные уступки оказались весьма скромными. После долгого обсуждения и споров Комитет разрешил преподавание Закона Божия, церковного пения и местных языков на природном языке учащихся. Кроме того, в первых классах начальных училищ разрешалось использовать местные языки при преподавании арифметики. В то же время Глазову удалось отстоять право министра за самостоятельно разработать общее положение о начальном школьном образовании в восточных губерниях. Говоря же о восточных губерниях, Комитет ограничился сдержкой существовавшей системы Ильминского⁵⁵.

В целом в течение весны 1905 г. усилия Комитета были направлены на нейтрализацию многочисленных конфликтных ситуаций на окраинах империи, вызванных предельно жесткой политикой русификации. В условиях нарастающего общественно-политического кризиса меры правительства выглядели как уступки. Но для Витте и поддерживавших его министров указ 12 декабря стал возможностью реализовать новый подход к решению национального вопроса в Российской империи. Главной целью национальной политики по-прежнему оставалось достижение как можно более полной интеграции национальных окраин в состав империи при сохранении социально-политической стабильности. Достижению же этой цели должно было способствовать соблюдение принципов веротерпимости, а также удовлетворения экономических и культурных запросов нерусского населения.

Вопрос о представительстве окраин в Государственной думе. На заседаниях Комитета министров в Мариинском дворце еще продолжали обсуждать пункты указа 12 декабря, а на первый план в связи с развивающимся революционным движением в стране вышел опять вопрос о представительстве и объединенном правительстве. На заседании Совета министров, обсуждавшего возможные формы представительства, был поднят и вопрос о возможности выборов на национальных окраинах. «При царях соборы чисто русские», - конспектировал управляющий делами Совета Э.Ю. Нольде военный министр В.В. Сахаров. Но затем русская государственность «шагала за окраину», и все резко изменилось. «Финляндия, Литва, Польша, Остзейский край, Бессарабия, Крым, Восточная Сибирь. Исключить их всех или нет. Финляндия, Остзейский край - разумно. Куда по крайности денется Финляндский сейм. - Что мы зем Россию называть? Исключить окраины нельзя. Чрезвычайно осторожно. Фин-

ляндия особо»⁵⁶. Тему представительства от окраин подхватил Витте: «Скована ті челетиєм - масса інтересов, 54% русских и 46% нерусских. В общих чертах необходима комбинация, не нарушающая существующего положения». Однако принцип равноправия, с точки зрения Витте, не годился в качестве такой «комбинации». Рядом с понятием «равноправия» ассоциативно возникли в его речи понятия «Австрия» и «федерация». «Равноправие дать нельзя... Никто не может 1 000 лет насмарку. Ограничи краткою редакцією, в чем затруднения», - подвел итог Витте. Выступая за удовлетворение экономических и культурных запросов «инородцев», он не хотел допускать сферу политики, что могло нарушить равновесие внутри империи и привести либо к расколу, либо к образованию федерации. Император согласился: «Сложность вопроса. Разнородность страшная. Разные величины». С возражениями выступил тогда А.С. Ермолов, особо подчеркнувший, что «устранить представителей инородцев трудно». В итоге этот вопрос решили пока обойти стороной⁵⁷.

В рескрипте 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгин; мечались «разноплеменность состава населения» и «слабое в некоторых его частях развитие гражданственности». Это была «непредвещающая» формулировка, указавшая на нежелательность введения выборных представителей от некоторых национальных окраин. В дальнейшем проблема «национального» представительства разрабатывалась. Особым совещанием под председательством Булыгина⁵⁸. Самая жесткая по отношению к «инородцам» позиция была изложена здесь сенатором Д.В. Готовым: «Наше Отечество обширно, коренного населения около 80 млн, инородцев, завоеванных, так и покоренных, около 45 млн, а иностранных пришельцев - евреев между 7 и 8 млн. Все эти инородцы желают гражданских и политических прав. Но либеральная Англия, живущая на счет своих колоний, не позволяет им вмешиваться в дела Великобритании и не допускает в парламент представителей от колоний». Тем более нельзя допускать инородцев в представительное собрание сейчас, отмечал сенатор, когда идущая с Запада смута находит активную поддержку как раз среди поляков, славянцев, армян и особенно евреев. По мнению известного правого публициста К.Ф. Ловина, из всех окраин право представительства можно было бы дать только Приамурскому краю, Ф.Д. Самарин, под запиской которого подписались многие земские деятели консервативного лагеря, не отрицая право «инородцев» на участие в предст-

тельстве, предлагал отложить этот острый вопрос на неопределенное время⁵⁹.

Близкие к правительственным кругам, но никогда не занимавшиеся административными делами на окраинах, авторы этих записок могли позволить себе руководствоваться отвлеченными идеями господства русских в империи. С более прагматичными же подходили к этому вопросу представители высшей бюрократии. В начале императору поступила записка за подписью 6 старейших сановников - гр. К.И. Пал министра юстиции в 1867-1878 гг.; А.А. Сабурова, возглавлявшего в 1880-1881 гг. министерство народного просвещения; П.А. Сабурова, бывшего в 1879-1884 гг. поел Берлине; А.Н. Куломзина, управлявшего с 1883 по 1902 г. делами Комитета министров; О.Б. Рихтера, командовавшего императорской Главной квартирой, и Ф.Г. Тера, занимавшего с 1883 г. пост директора департамента окладных сборов, а затем три года министра финансов. Во введении в завуалированной форме была подвергнута критике внутренняя политика правительства в период правления Александра III. «Чего не может быть симпатичнее выставленного в начале царствования императора Александра III лозунга "Россия для русских". Скрепление окраин наших с центром ставляет неперемное условие самого существования нашей обширной империи. И очевидно, что могущественным средством к достижению этой цели служит ознаменование с государственным языком различных слоев населения. Но и здесь, - подчеркивают авторы записки, - исполнители высочайших предназначений внесли односторонними своими тенденциями глубокое раздражение во все слои различных народностей, населяющих Россию». Попытка русифицировать такие национальности, как поляки, литовцы, грузины, армяне, имевшие давно свою самобытную литературу, с самого начала не имела ни единого шанса на успех.

Что же предлагали сановники императору для выхода из кризисной ситуации? можно скорее удовлетворить ожидания общества созывом представителей. При этом

■ крупной политической ошибкой был бы поиск «наиболее справедливого распределения численного состава этих представителей между разными местностями или народами империи». Степень культурного развития народностей настолько разнообразна, что нет никакой возможности сделать это, не вызывая недовольства. Следовательно, надо не затрагивать напрямую вопрос о представительстве «инородцев», для чего и надо было организовать выборы на основе земских учреждений. Правительство должно восстановить и распространить Положение 1 января 1864 г. на все губернии европейской России, Западного края, Царства Польского, затем Прибалтийские губернии, Ставропольскую, Тифлисскую и Кутаисскую губ., а также на области Кавказского края - Кубанскую и Терскую. Вопрос о введении земских учреждений в Туркестанском крае, Степной области и Сибири должно было решить местное начальство⁶⁰. В «Соображениях» А.Г. Булыгина, подводивших итоги работы совещания, подчеркивается, что выборы в Государственную думу должны быть проведены «во всех местах империи, где развитие гражданственности и наличность зрелых общественных сил возмозможность к тому открывают». Избирательных прав предлагалось лишить чуждых и бродячих инородцев» как стоявших «на крайне низкой ступени гражданского развития», а также (по совершенно иным соображениям) евреев. Последнее решение вызвало резкий протест Витте. По его мнению, благодаря имущественной цензу от участия в выборах фактически и так будет отстранена «вся главная масса еврейства» - «его пролетариат». В Думу пройдет всего несколько евреев. Витте подкал министр финансов В.Н. Коковцов и другие члены Совета министров. В результате было решено, что «по соображениям политической осторожности» необходимо доставить евреям право избирать и быть избранными⁶¹. Булыгин предложил также учесть обособленность Великого княжества Финляндского, не включив в Думу представителей сейма, однако этот вопрос Совет министров оставил открытым (впоследствии он решился в духе предложения Булыгина)⁶².

Отдельно Совет министров остановился на вопросе о норме представительства от разных регионов империи. «Известное преимущество должно быть дано коренным [областям, которыми собрана была русская земля и на плечах которых и до сих

> окраины продолжают лежать тяжелым бременем», - говорилось в мемории Совета. Распределение числа депутатов между центральными губерниями и окраинами им-

решено было произвести пропорционально суммам уплачиваемых налогов. В чьей-то для коренных русских областей была оставлена предложенная А.Г. Булыгиным норма - 1 выборный на 250 тыс. человек, а для окраин эта цифра была повышена до 350 тыс.⁶³

После издания манифеста 17 октября правительство вынуждено было приступить квлению нового проекта правил о выборах в законодательное собрание. При этом

► столкнулось с новой проблемой. В конце октября в Совет министров была передана петиция о предоставлении русскому населению западных окраин права отдельно из-

гь из своей среды нескольких членов Государственной думы. Рассмотрев ее, Совет министров пришел к выводу, что «введение в выборы начала национальности может быть в обществе, с одной стороны, - враждебное отношение, с другой - ряд ходов: разных национальных групп». Особое Совещание Д.М. Сольского, встав на эту точку зрения, решило отклонить это и другие подобные ходатайства, поступившие (русского населения в Закавказье, немецких колонистов в Саратовской губ., киргизы и башкиры⁶⁴). Однако решающим в этом деле оказалось желание императора дать самому населению на окраинах отдельное представительство, открыто высказанное 19 декабря во время заседания Особого совещания в Царском Селе⁶⁵. В итоге указом 1 декабря 1905 г. «Об изменении положения о выборах в Государственную думу» та-представительство получало русское православное или казачье население, живущее на территориях, населенных по преимуществу нерусскими⁶⁶.

После 17 октября. Издание манифеста 17 октября придало дополнительный им-политической деятельности национальных элит, пытавшихся направить энергию социального протеста на развитие национальных движений. Особое внимание в рамках многочисленных создававшихся в это время национальных партий уделялось вопросам самоуправления, равноправия и свободного развития национальной

57

школы, языка и культуры. В то же время для расширения социальной базы национальных движений лидеры демократических партий часто брали на вооружение социалистические лозунги и требования.

Задача успокоения национальных окраин, стоявшая перед только что сформированным кабинетом Витте, была вдвойне трудной по причине существовавших в правительственных кругах разногласий относительно решения национального вопроса. Еще больше усугубляло ситуацию то, что политические взгляды двух членов кабинета, более всего занимавшихся политикой на окраинах, - министров внутренних дел П.Н. Дурново и народного просвещения гр. И.И. Толстого - были прямо противоположными. И все же большинство министров понимало невозможность проведения прежней политической линии в отношении национальных окраин. Даже «крайний консерватор» Дурново на одном из заседаний заявил: «Несомненно, что с возвещением манифеста 17 октября основы гражданской свободы на незыблемых началах несовместимы никакие мероприятия, имеющие характер насильственной русификации»⁶⁷. В этой ситуации Витте начал проводить политику переговоров и осторожных уступок представителям умеренно настроенных общественных кругов национальных окраин. Идти на них премьеру было тем легче, что они в большинстве случаев соответствовали намеченному им самим еще весной 1905 г. новому курсу национальной политики.

После отставки Витте новый кабинет И.Л. Горемыкина сосредоточился исключительно на взаимоотношениях с Государственной думой. К рассмотрению проблем, связанных с национальной политикой, правительство вернулось только после роспуска 9 июля 1906 г. I Государственной думы. В целом же в период от формирования кабинета С.Ю. Витте и до роспуска П. А. Столыпиным II Государственной думы национальная политика правительства сохраняла явную преемственность. Совет министров при решении разнообразных вопросов, касающихся местного самоуправления на национальных окраинах, развития школьного образования для нерусского населения окраин равноправия еврейского населения, должен был руководствоваться принципами веротерпимости, равноправия национальностей и признанием права нерусского населения на удовлетворение своих социально-экономических и культурных запросов.

Из всех политических требований, выдвигаемых различными партиями и движениями

на окраинах империи, наиболее болезненным для правительства было требование национальной автономии. В записке от 9 октября Витте высказался в пользу возможного предоставления ограниченной автономии некоторым из национальных окраин «Мысль о расчленении всей России на автономные провинции, по счастью, еще не приобрела популярности, — писал он, — а потому идея государственного единства... может и должна быть громко провозглашена правительством. Идея государственного единства, однако, ничуть не противоречит ни автономия десяти польских губерний, ни, быть может, Грузии и других частей Кавказа в расширенных пределах местного самоуправления»⁶⁸. Но поступающие с национальных окраин известия о вооруженных выступлениях и новых требованиях оптимизма в этом отношении не прибавляли. И все же, следуя выбранной стратегии переговоров и уступок, Витте готов был идти на развитие местного самоуправления на национальных окраинах.

Эффективность выбранной политической линии показали события в Финляндии. Полученное из Петербурга 18 октября известие о подписании манифеста 17 октября стало сигналом для начала всеобщей забастовки в Гельсингфорсе. Поняв, что для наведения порядка в городе войск недостаточно, генерал-губернатор И.М. Оболенский был вынужден пойти на переговоры. На основе требований, представленных лидером политической оппозиции Г. Мехелином генерал-губернатору, было составлено всеподданнейшее ходатайство о распространении на Финляндию действия манифеста 17 октября⁶⁹. Витте полностью одобрил идею издания манифеста как единственной меры способной успокоить население Великого княжества. 22 октября 1905 г. Николай II подписал Высочайший манифест, которым отменялись положения манифеста 3 февраля 1899 г., ограничивавшие финляндскую автономию. Напряженные переговоры финнами велись в течение марта и апреля 1906 г. в Петербурге в рамках Особого совещания для разработки проекта нового устава Сейма. В результате стороны пришли

58

к соглашению по наиболее спорным пунктам, касавшимся прав русских в Великом княжестве, а также прерогатив верховной власти⁷⁰.

Сочетание репрессий с уступками продемонстрировала политика в Прибалтике, арные беспорядки заставили правительство временно восстановить Прибалтийское генерал-губернаторство. Одновременно для формирования военных отрядов, наемных в Прибалтику, было созвано Особое совещание под председательством князя Николая Николаевича⁷¹. Но в Петербурге понимали, что одними карательными мерами разрешить кризис не удастся. Идя навстречу не только остзейскому населению, но и умеренной части эстонской и латышской буржуазии, правительство летом 1906 г. созвало Особое совещание при прибалтийском генерал-губернаторе с целью разработать программу реформ, которые позволили бы успокоить край⁷².

В Варшаве после получения известия о манифесте 17 октября прошла благодарственная демонстрация. Рассчитывая на дальнейшие уступки правительства, национальные депутаты в печати открыто выступили против обострения революционной борьбы⁷³. В то же время правительство, видя обострение ситуации, 31 октября ввело в Польшу военное положение. Прибывшая в Петербург польская делегация во главе с Р. Дмовским в ходе встречи с Витте попыталась убедить его отменить военное положение и дать Польшу автономию⁷⁴. По инициативе главы правительства в ноябре был подписан договор об отмене военного положения в Царстве Польском.

Прекрасной возможностью продемонстрировать приверженность правительства к компромиссам и уступкам в национальном вопросе стала для Витте сфера образования. Председатель Совета министров поддерживал все инициативы министра народного просвещения И.И. Толстого, который продолжил намеченную ранее Комитетом министров политику уступок в вопросе развития начальной и средней школ. Толстой провел через Совет министров законопроект, разрешавший в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях частные школы с преподаванием на местных языках при условии преподавания русского языка, истории (географии) на русском. Внесенный в марте 1906 г. на рассмотрение Государственного совета проект встретил жесткую оппозицию. Министру

«пришлось произнести горячую речь в защиту права всякого воспитывать своих детей на родном языке», для того : проект о частных немецких школах был принят и 19 апреля 1906 г. утвержден ратором⁷⁵.

В то же время неудачей закончилась попытка Толстого решить школьный вопрос [Царстве Польском. Сделанные летом 1905 г. уступки в этом вопросе вопреки ожидавшему еще больше обострили конфликт между польским обществом и русской административной. Местные власти считали необходимым, «с русско-патриотической точки зрения», ограничить действие указа от 6 июня 1905 г., разрешавшего преподавание в хіе польского языка и литературы. Между тем в польском обществе эти права ста-толковать в расширительном смысле⁷⁶. Русской правительственной школе был снос объявлен бойкот. Родители перестали посылать своих детей в казенные учебные заведения, в университете прекратились занятия, в начальных школах учителям было предъявлено требование преподавать все предметы на польском языке. Большинство их учителей было изгнано из школ, а некоторые даже убиты⁷⁷. Русская администрация ответила репрессиями. Идя навстречу требованиям польского общества, Толстой подготовил для Совета министров доклад, в котором предлагалось вести преподавание в начальной школе на польском языке в качестве предметов русского языка, истории и географии России. Ознакомившийся с докладом Витте отнесся к идее реформы сочувственно. Однако направленный варшавскому генерал-губернатору на согласование, доклад вернулся через 2 месяца с отрицательным заключением. Рассмотрение вопроса о реформе образования в Польше в Совете министров было признано «невыполнимым»⁷⁸.

Большое значение для дальнейшего развития школьного образования на национальных окраинах имели новые правила об иностранных училищах, вступившие в силу 1 марта 1906 г.⁷⁹ В период премьерства Столыпина политическую линию Толстого ижил П.М. Кауфман⁸⁰.

59

На некоторые уступки правительство пошло и в еврейском вопросе, однако в: на себя ответственность за его решение в целом Витте не решился. В разговоре с премьером заявил: «Мы не имеем права предрешать вопроса, касающегося в(России, накануне созыва представителей всей страны». Кроме того, Витте раздражен поведением еврейской общественности, которая, как он считал, во главе революции и сделала все, чтобы «напасть» ему⁸¹. Тем не менее премьер попытался смягчить остроту вопроса отдельными мерами, направленными на облегчение положения евреев в черте оседлости. Кроме того, в январе 1906 г. министр народного просвещения поставил перед Советом министров вопрос об отмене процентной нормы для евреев в высших учебных заведениях. Эта мера была поддержана Советом министров, но заблокирована Николаем П., написавшим на мемории Соколову резолюцию: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей совокупности тогда же, когда я признаю это благовременным»⁸².

Еще одну попытку решить еврейский вопрос предпринял Столыпин. В конце января 1906 г. в Совет министров был внесен законопроект «О пересмотре постановлений ограничивающих права евреев», в котором предлагалось, используя 87 статью Основных законов, отменить те ограничения, которые вызывают наибольшее раздражение. Несмотря на острые разногласия и споры, большинство членов Совета одобрило проект. Но 10 декабря 1906 г. император вернул журнал Совета министров неутвержденным. В сопроводительном письме он писал: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, - внутренний голос все стойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть никогда меня не обманывала». В результате Столыпину удалось только убедить императора поставить такую резолюцию на журнале, которая позволила бы направить рассмотрение еврейского вопроса «общим законодательным порядком»⁸³. Очередная попытка сдвинуть с места решение одного из самых острых вопросов национальной политики закончилась так же, как и все предыдущие.

Учитывая тесную связь религиозного и национального самосознания для большинства нерусского населения национальных окраин, показательным является внесение Министерством внутренних дел на рассмотрение Совета министров в феврале 1906 года законопроектов о свободе

совести, среди которых центральное место занимал за; об отмене политических и гражданских ограничений, находящихся в зависимости принадлежности к «инославным» и «иноверным исповеданиям», а также законов, пускающих вмешательство гражданской власти в религиозные отношения част лиц⁸⁴. В марте 1907 г. 6 из 7 законопроектов были внесены на рассмотрение во II Гс дарственную думу, но так и остались не рассмотренными.

Подводя итог, можно констатировать, что участвовавшие на рубеже веков политические кризисы на окраинах, вызванные противодействием нерусского населения литике русификации, были своего рода предвестниками мощного социально-политического кризиса, охватившего национальные окраины Российской империи в гг Первой русской революции. Правительственный лагерь оказался расколотым на с ройников и противников жесткой национальной политики. Попытки реализовать п возглашенный 12 декабря 1904 г. курс на веротерпимость, равноправие и удовлетво ние социально-экономических и культурных запросов нерусского населения окра совпав с началом революции, привели не к ослаблению недовольства нерусского не ления и стабилизации социально-политической ситуации на окраинах, а, наоборот, усилению активности национальных движений.

После издания манифеста 17 октября Витте путем отдельных уступок стреми оторвать от революционного движения местные национальные элиты, но в услов: острейшего социально-политического кризиса национальная политика его кабин приобрела непоследовательный и противоречивый характер. Политическая конъю тура не раз заставляла премьера без колебания поступаться заявленными им либера ными принципами национальной политики.

Издание указа 17 апреля о веротерпимости, допущение в Государственную дд представителей от национальных окраин, введение в школах для «иногородцев» пре

60

стоявшегося 16-21 августа 1906 г.» с приложением программы Мусульманской партии вышли в октябре 1906г Казани трехтысячным тиражом на тюркском языке. Кроме того, материалы съезда были опубликованы 1 тюркски в следующих изданиях: Программа Всероссийского мусульманского союза. СПб., 1906; Третий] сульманский съезд в Нижнем Новгороде. Казань, 1906 (96 стр., 2 500 экз.); Постановления 3-го Всеросси ского мусульманского съезда. Казань, 1906 (27 стр., 7 тыс. экз.); Программа Всеобщего мусульманской съезда. Казань, 1906 (4 стр., 2 тыс. экз.).

56 Каспий. 1907, 20 апреля.

57 Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905-1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996. С. 52.

58 Садри Максудов (1878-1957) - татарский общественный и политический деятель, юрист, член ЦК I детской партии, депутат II и III Государственных дум от Казанской губ.

59 Каспий. 1907, 20 апреля.

60 См.: Программа мусульманской группы во 2-й Государственной Думе. СПб., 1907.

61 Каспий. 1907, 14 марта.

.. Л? V

62 Там же. 6 мая. ■

63 Во время революции предлагалось, к примеру, распределить всю территорию России на части с (стным самоуправлением, пользуясь национальным принципом, чтобы в итоге создать «края» или «штат в том числе Татарско-Башкирский, включавший Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую, Самарскую и час Симбирской губерний, с населением свыше 9 млн человек. См.: Фортунатов К. Национальные об лас России (Опыт статистического исследования, по данным Всеобщей переписи 1897 г.). СПб., 1906. С. 15, 16 Проект Татаро-Башкирского штата стал воплощаться в жизнь в конце 1917 г., сначала под названием Иде Уральского (Волжско-Уральского) штата, а затем при большевиках уже как Татаро-Башкирской советско республики, согласно документу, подписанному в Москве 22 марта 1918 г.

54 Каспий. 1907. 11, 24 мая.

65

Русь. 1907, 9, 23, 26 августа.

66 Новое время. 1907, 23 октября.

67 Каспий. 1907, 24 октября.

Программа Мусульманской парламентской фракции. СПб., 1907; Программа Мусульманской и Мусульманского союза. СПб., 1907 (на тюркском яз.).

69 АВПРИ, ф. 151, оп. 485, д. 1256, л. 79 об.

70 Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX - начало XX вв.). СПб. 1998. С. 824.

©2005г. Ф.А.СЕЛЕЗНЕВ*

Д.В. СИРОТКИН И ВСЕРОССИЙСКИЕ СЪЕЗДЫ СТАРООБРЯДЦЕВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В историографии общественно-политической жизни старообрядцев начала XX в. история всероссийских съездов старообрядцев до сих пор фактически не воссоздана, а научно-популярная работа В.Ф. Миловидова, в которой затрагивается эта проблема, носит обзорный характер¹. В многочисленных диссертационных исследованиях последних лет в основном рассматриваются на региональном материале религиозные особенности различных согласий и правовой статус Древлеправославной церкви², тогда как непосредственно общественно-политической жизни старообрядцев посвящена лишь диссертация О.А. Виноградовой³. В ценной работе В.Ф. Козлова, где имеется богатый материал по общественной жизни московского старообрядчества начала XX в., всероссийские съезды старообрядцев в Нижнем Новгороде не рассматриваются⁴. Краткую информацию об этих съездах дал в своей статье лишь В.В. Ниякий⁵.

Исходя из этого, представляется важным последовательно изложить историю всероссийских старообрядческих съездов в Нижнем Новгороде, показать причины их воз-

78

овения и последующего переноса в Москву, а также систематизировать информа-> о жизненном пути организатора съездов - нижегородского купца Д.В. Сироткина, эрый был одной из самых ярких фигур среди купцов-старообрядцев. Долгие годы [фактически являлся политическим лидером приверженцев «старой веры». О Сирот-! нередко упоминают авторы научных трудов, посвященных участию русской бур-зии в политической борьбе в 1905-1917 гг.⁶ Однако биография Сироткина-полити-июка не написана. Не изучен и вопрос о его роли в общественной жизни древлепра-жавного христианства⁷. Как и многие другие предприниматели-старообрядцы, Дмитрий Васильевич Сирот-[вышел из крестьянской среды. Он родился в 1864 г. в деревне Остапово Балахнин-ї уезда Нижегородской губ., где издавна жили старообрядцы-беглопоповцы, при-вские во второй половине XIX в. к белокриницкому согласию. Приверженцы это-огласия подчинялись митрополиту, жившему в селе Белая Криница на территории ро-Венгрии. Поэтому их еще часто называли «австрийцами». В свою очередь «ав-щы» подразделялись на два толка: «окружники» (принявшие так называемое эужное послание), изданное в 1862 г. от имени Духовного совета при старообряд-ком архиепископе Московском Антонии) и «неокружники» (отвергнувшие «Ок-ное послание»).

Родители будущего предпринимателя - Василий Иванович и Вера Михайловна Си-аны - были «австрийцами-окружниками». Они пользовались большим уважением ельчан как усердные ревнители «древлего благочестия». В их доме проходили ения местных старообрядцев. В 1878-1879 гг. трудами Сироткиных на их усадебной ие был сооружен старообрядческий храм⁸. Особенно большое влияние на сына ока-ї мать. На склоне лет знаменитый пароходчик с благодарностью вспоминал: «Мо-ї успехам в судостроении я обязан старообрядчеству, которое вдохнула в меня моя ика Вера Михайловна, ревностная старообрядка; я удержался от вина, пристрас-: к общественной жизни старообрядчества и судопромышленности, был полезен ей родине...»⁹.

Дмитрий Васильевич далеко не случайно посвятил свою жизнь судопромышленно-Ведь он родился в том краю, где мужика кормила не земля, а река. Кто-то из его 4ляков добывал хлеб насыщенный бурлачеством, кто-то нанимался в матросы, кто-то : выбиться в

пароходчики. К числу последних относился и его отец Василий Си-ян, которому удалось записаться в купцы и переехать в Нижний Новгород. На од- [из двух пароходов Сироткина-старшего («Воле») и началась карьера его среднего ; Дмитрия. Во время поездок с отцом после окончания начальной школы он вы-самые разнообразные работы - поваренка, кочегара, матроса, а в 25 лет уже : капитаном.

В начале 1890-х гг., после банкротства отца и его отхода от дел, Дмитрий возглавил ейное предприятие, сумев вновь поставить его на ноги. Занимался он, главным об-ом, перевозкой нефтепродуктов. В 1898 г. Д.В. Сироткин значительно расширил габы своего предприятия, приобретя нефтетранспортное дело СМ. Шибеева ксира и 15 деревянных барж). Льготный трехгодичный кредит на приобретение аевской флотилии нижегородскому купцу предоставили братья Рябушинские¹⁰, : и Сироткин, принадлежавшие к старообрядческому белокриницкому согласию. С

> времени между ними постоянно поддерживалась связь. Проявив себя в качестве удачливого предпринимателя, Сироткин активно вклю- [и в церковно-общественную жизнь старообрядцев-«австрийцев», которые на ру-: ХГХ-ХХ вв. переживали нелегкие времена. Власти Российской империи никогда ! признавали белокриницкую иерархию законной. До поры до времени правительст-і сквозь пальцы смотрело на ее деятельность, но в 1898 г. с «владыки» Савватия была [подписка в том, что он не будет впредь называть себя «архиепископом Москов-[и всея Руси». Его преемник Иоанн (Картушин) такую подписку дать отказался, за >его выслали в Тулу под гласный надзор полиции. В апреле 1900 г. министр внутренен-[дел Д.С. Сипягин направил циркуляр всем губернаторам с предписанием отобрать

79

от местных старообрядческих епископов подписку в том, что они обязуются «не обна руживать своего духовного звания» и даже не совершать священнослужений.

В это нелегкое для старообрядцев время белокриницкую иерархию окружников России вместо сосланного архиепископа Иоанна фактически возглавил еписко Уральский Арсений. Для обсуждения возможных мер противодействия власти он ее звал собор старообрядческих епископов. Однако они не могли в это время выступат открыто и были вынуждены обратиться за помощью к мирянам (прежде всего к бога тому купечеству). Старообрядцы-предприниматели быстро откликнулись на этот при зыв. Уже 14 сентября 1900 г. в Москву прибыли старообрядческие попечители и упоі номоченные Московской, Нижегородской, Пермской, Петербургской, Смоленской Тверской губ. и Уральской казачьей обл. Всего их было 15 человек¹¹. Среди них нахо дился и Сироткин. Это собрание получило наименование I Всероссийского съезда ста рообрядцев. Участники съезда приняли предложение Арсения подать прошение Нике лаю П за подписью как можно большего числа приверженцев старой веры с мольбой« защите. В короткое время под этим прошением подписались 49 753 старообрядца. Им ператор в то время находился в Крыму. Туда в декабре 1900 г. и направились делегат! съезда. Предварительно, в Ялте, они встретились с секретарем министра финанса А.И. Путиловым, который дал им ценнейшие советы, помог встретиться с СЮ. Витт и фактически явился для них (как они написали в благодарственном адресе) «путевод1 телем» к престолу¹². Благодаря содействию Путилова, Сироткин вручил прошение ста рообрядцев вел. кн. Александру Михайловичу, который, в свою очередь, обещал пере дать его императору.

На аудиенции у великого князя Сироткин держался с большим достоинством ■ стремясь убедить власть в бессмысленности преследования своих единоверцев, сказа! «За нами нет ни в прошлом, ни в настоящем вины перед правительством. Кроме тоге мы почти все грамотны, трезвы, зажиточны»¹³. Царский ответ на прошение старооб рядцев оказался самым благоприятным. Его передал представителям старообрядца во главе с Сироткиным министр внутренних дел Сипягин. От себя министр добавш «Будьте покойны, беспокоить вас никто не будет, и это вы увидите на деле»¹⁴.

Между тем во время хлопот по поводу передачи прошения старообрядцев царш Витте предложил предоставить полную религиозную свободу в Маньчжурии, на тер ритории, контролировавшейся обществом КВЖД, куда старообрядцев приглашал пе реселяться

министр финансов¹⁵. Попечители решили обсудить этот вопрос на hoboĭ Всероссийском съезде, однако устроить его в Москве из-за конфликта московского гв нерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича с местными старообрядцами был практически невозможно. Более удобным местом оказался Нижний Новгород, куда я ярмарку ежегодно съезжались по своим торговым делам многие старообрядческие по печители. Там в августе 1901 г. и состоялся II съезд старообрядцев. Формально он сно ва был созван Арсением, но фактически руководил съездом Сироткин, в доме которого го и проходили заседания. Комплекс зданий Сироткина на Ильинской улице в Нижнея Новгороде на долгие годы стал духовным центром старообрядчества. Здесь находя лась его домовая церковь, фактически являвшаяся приходской. Здесь же в 1903-1910 п жил старообрядческий епископ Иннокентий (будущий митрополит Белокриницкий³ некоторое время располагалась редакция журнала «Старообрядец», собиралась ниже городская община белокриницкого согласия и прошли II-X Всероссийские съезды ста рообрядцев.

Делегаты II съезда, обсудив предложение Витте, а также общее положение приверженцев Древлеправославной церкви, решили регулярно проводить съезды, создав по стоянный координационный центр на период между ними. Таким центром стал Сова всероссийского старообрядческого попечительства, избранный на 3 года III съездом старообрядцев в 1902 г. Как организатор съездов и самый авторитетный среди попечи телей, Сироткин был избран председателем Совета. Его товарищем (заместителем! стал московский начетчик М.И. Бриллиантов. Важнейшей акцией III съезда стало ре> шение послать делегацию в Белую Креницу, чтобы сообщить заграничным старооб

80

шдцам о предложении Витте. Узнав о нем, австрийские подданные-старообрядцы, жа- лующь на свою бедность и малоземелье, попросили переселить в Маньчжурию и их, ес-ш там действительно будет обеспечена свобода веры.

Вопрос о переселении на Дальний Восток стал главной темой обсуждения на "V съезде старообрядцев в 1903 г. По предложению Сироткина, тогда же было решено пригласить представителей беглопоповцев и неокружников участвовать в работе слегающих съездов. После этого руководитель беглопоповцев, знаменитый нижегород-:хий купец Н.А. Бугров начал регулярно присутствовать на съездах у Сироткина. Ста-гя приезжать в Нижний Новгород и попечители-неокружники. Следует отметить, что Г. съезд старообрядцев прошел уже с разрешения министра внутренних дел В.К. Пле-к. Съезд поручил попечительству ходатайствовать перед правительством об открытии старообрядческих школ и о признании законом старообрядческих общин как юри-шческих лиц. Выполняя поручение съезда, Сироткин, вместе с известным начетчиком 0 Е. Мельниковым и епископом Нижегородским и Костромским Иннокентием (бело-онницкой иерархии), в сентябре 1903 г. встретился с директором Департамента общих :.ел МВД Б.В. Штюрмером. Интересно, что инициатором этой беседы был сам Штюр-*ер. Он предложил Сироткину подать на имя министра внутренних дел прошение о гждах старообрядчества¹⁶. Прошение было тотчас же составлено и 18 сентября 1903 г. гтправлено Плеве. Была направлена депутация во главе с Сироткиным и к самому могущественному из противников старообрядчества - вел. кн. Сергею Александровичу. Лсгреча состоялась 1 декабря 1903 г. и закончилась тем, что великий князь сменил гнев п милость, заявив: «Я против старообрядцев вообще ничего не имею», а затем доба-•li: «Государь вас любит»¹⁷.

Однако начало русско-японской войны отвлекло внимание правительства от хода--йств старообрядцев. 10 ноября 1904 г. члены Совета попечительства во главе с Си-

- ткиным явились к новому министру внутренних дел кн. П.Д. Святополку-Мирскому. ч-:язь утешил старообрядцев тем, что их вопрос стоит на очереди и будет «рассмотрен чорне»¹⁸. Действительно, в указе 12 декабря 1904 г. предписывалось «подвергнуть пе- -:смотру узаконения о правах раскольников» в сторону облегчения их положения. . - декабря 1904 г. Сироткин провел в Москве экстренное совещание наиболее автори- ; гных деятелей старообрядчества. Был рассмотрен проект памятной записки о нуж- . х приверженцев старой веры, которую 31 декабря депутация во главе с Сироткиным s Бугровым передала председателю Комитета министров Витте.

Комитет министров удовлетворил практически все просьбы, изложенные в записке — старообрядцев. Соответствующие «Положения Комитета министров» легли в основу указа 17 апреля 1905 г., подписанного Николаем II в день Пасхи. Среди прочего указ разрешал старообрядческим общинам владеть движимым и недвижимым имуществом. Старообрядческим наставникам позволялось преподавать Закон Божий. Для рассмотрения соответствующих законопроектов было создано Особое совещание во главе с гр. А.П. Игнатьевым. Сироткин дважды встречался с ним и просил густить в состав Совещания уполномоченных от старообрядцев. Игнатьев на это согласился и даже предложил старообрядцам самим разработать проект устава своих общин для последующего утверждения правительством. Обо всем этом Сироткин доложил на VI съезде старообрядцев, прошедшем 2-5 августа 1905 г. с участием уже известных представителей старообрядческих общин со всей России. Съезд переизбрал Сироткина председателем Совета всероссийского попечительства. Следует отметить, что состав Совета был избран и его давний деловой партнер и политический единомышленник П.П. Рябушинский. С этого времени можно говорить о тандеме Сироткин - Рябушинский в руководстве старообрядческим движением.

Само это движение в политическом плане не было единым. Прежде всего это касалось отношения различных течений внутри старообрядчества к революционным событиям. Среди староверов были те, кто считал указ 17 апреля результатом революционно («освободительного») движения, а старообрядцев — союзниками противников самодержавия. Однако Сироткин полагал, что старообрядцы ни в коем случае не

81

должны идти на конфронтацию с властями, и обещал нижегородскому губернатору! П.Ф. Унтербергеру не затрагивать на съезде политические проблемы. Поэтому, несмотря на протесты некоторых делегатов, уже включенный в повестку дня вопрос «О положении старообрядцев в связи с общим положением в России» был снят с обсуждения. Тем не менее часть делегатов съезда пожелала обсудить его на «частном совещании старообрядцев» сразу после окончания съезда. В совещании приняли участие в основном начетчики — миряне, допущенные к чтению религиозных текстов в церкви или на дому у верующих. В старообрядчестве им принадлежала особая роль. Начетчики вели диспуты с миссионерами «господствующей Церкви», выступали как авторы религиозно-публицистических сочинений, просветители и пропагандисты. Они являлись интеллигенцией старообрядчества и, как правило, были негативно настроены по отношению к светским и духовным властям. Радикализм начетчиков в полной мере проявился на «частном совещании старообрядцев». В принятой на нем резолюции говорилось, что самодержавие не соответствует интересам народа, а будущее народное представительство должно быть созвано на основе всеобщих, равных, тайных, прямых выборов и иметь законодательный характер.

Сироткин игнорировал это мероприятие, хотя сам отнюдь не был консерватором. Наоборот, по воспоминаниям его помощника и биографа И.А. Шубина, «к событиям 1905 года, он, вероятно, относился положительно»²⁰. Более того, Дмитрий Васильевич поддерживал связь с революционерами. Посредником между ними выступал А.М. Горький, с которым нижегородского купца связывала многолетняя дружба. Совместно с писателем Сироткин открыл в одном из своих домов чайную для босняков (знаменитые в Нижнем Новгороде «Столбы»), где с ведома хозяина леворадикальная интеллигенция вела антиправительственную пропаганду. Нижегородское охранное отделение установило наблюдение за неблагонадежным предпринимателем и выяснило, что на его имя из-за границы неоднократно высылались нелегальная литература²¹. Она предназначалась в том числе и для пропаганды среди рабочих самого Сироткина (на баржах у него находились библиотечки, в которых в изобилии имелись революционные брошюры). Однако в качестве политического лидера старообрядчества Сироткин никогда не афишировал свою оппозиционность. С одной стороны, это было, конечно, обусловлено его стремлением уберечь от правительственных репрессий старообрядческие съезды. С другой — можно предположить, что политический радикализм просто не нашел бы понимания у многих

купцов-попечителей, и Сироткин вынужден был учитывать их мнение.

Осторожность не покинула Сироткина и после издания манифеста 17 октября 1905 г. В период общей неразберихи октября-ноября 1905 г. он и руководимый им Совет съездов старообрядцев предпочли воздержаться от громких заявлений и активного участия в политической жизни. Совет обозначил свою политическую позицию только в «Воззвании» 12 декабря 1905 г., призвав «братьев старообрядцев» «стремиться к успокоению и умиротворению нашей родины», «разумно пользоваться даруемыми свободами» и готовиться к выборам в Государственную думу. При этом на выборах допускалась поддержка только тех кандидатов-нестарообрядцев, которые «веруют в Бога, признают царя и не проповедуют насилие»²². Главным мотивом как в «Воззвании», так и в докладе Совета к предстоящему старообрядческому съезду звучали благодарность за указ 17 апреля 1905 г. и безоговорочная поддержка манифеста 17 октября. Кроме того, в докладе Совета утверждалось, что старообрядцам равно чужды и «красные», пытающиеся с оружием в руках установить республику, и «черная партия», которая «под девизом самодержавия защищает старый чиновничий строй, доведший русскую землю до настоящего несчастного ее положения»²³. Тем самым Совет съездов недвусмысленно отмежевался как от революционных партий, так и от «черносотенцев».

Это, однако, не означало, что среди старообрядцев и в самом деле не было приверженцев правых политических сил. Историк СП. Мельгунов, внимательно наблюдавший в то время за общественной жизнью староверов, выделял среди них три течения: «революционное», умеренно-прогрессивное и консервативное (выступавшее против

82

старообрядцев в «освободительном движении»)²⁴. «Революционное» крыло I старообрядчества состояло в основном из начетчиков. Некоторые из них открыто сочувствовали левым партиям и отчасти кадетам. Ярким представителем этого течения I ся студент Московского университета И.К. Перетрухин. К левому крылу был взок старообрядческий епископ Нижегородский и Костромской Иннокентий ЛФ. Усов). С 1906 г. он выпускал журнал «Старообрядец», отражавший позиции ле-: старообрядцев. Отметим, что в 1910 г. публицистика Иннокентия вышла отдель-; изданием в кадетском издательстве «Народное право»²⁵.

Что касается старообрядцев-черносотенцев, то в 1906 г. сотрудник одного из вож- [Союза русского народа В.А. Грингмута подполковник в отставке Ф.Г. Колонтаев не сумел организовать консервативно-монархический «Союз старообрядцев». Наи-ынее влияние «колонтаевцы» имели среди «австрийцев-неокружников». Достаточ-»консервативно был настроен и лидер беглопоповцев Бугров, финансировавший ни-егородскую черносотенную газету «Минин» и неизменно пользовавшийся поддерж-ж Союза русского народа на выборах в Государственную думу. Консервативные зиции занимал и белокриницкий архиепископ Московский Иоанн. К умеренно-про-сивному течению принадлежали руководители Совета съездов старообрядцев Си-шн, Бриллиантов, Рябушинский, Мельников, И.А. Пуговкин, а также некоторые епер белокриницкой митрополии (в том числе епископ Уральский Арсений). Их гические симпатии распределялись в диапазоне между октябристами и кадетами, t ближе к Союзу 17 октября. При этом сам Сироткин, как писали кадетские «Русские домости» (пытавшиеся привлечь старообрядческий электорат на сторону партии родной свободы), разделял «взгляды прогрессивных партий и в том числе конститу-шго-демократической»²⁶. Однако все же кандидатом в I Государственную думу он : и Рябушинский и Пуговкин) пошел не по кадетскому, а по октябристскому списку²⁷. Избирательная платформа, разработанная Советом съездов, была детально обсуж-аа делегатами II чрезвычайного съезда старообрядцев в Москве, который открылся I января 1906 г. Некоторые ее пункты привели к острым разногласиям. Особенно жар-: споры вызвал вопрос об отчуждении помещичьих земель. Ввиду разноречивости сказанных мнений, Сироткин предложил избрать комиссию из присутствовавших на ■съезде крестьян, чтобы они еще раз детально обсудили этот вопрос, доложив затем о :зоем мнении съезду. В конце концов съезд решил поддерживать тех кандидатов, ко-т.-рые (помимо отстаивания старообрядческих вероисповедных интересов) будут за-дяться в Государственной думе:

единство и целостность России; сохранение царской власти, опирающейся на решения народных представителей в лице Государственной г-мы; отмену всех сословных преимуществ и ограничений; «изменение нынешнего чиновничьего строя и замену его народными, более доступными для населения учреждениями»; введение всеобщего начального бесплатного обучения; наделение крестьян г-вой землей «из государственных, удельных, монастырских и частных имений» «при лоши государства и при условии вознаграждения по справедливой оценке частных венников за те земли, которые будут подлежать передаче крестьянам»; решение эосов фабрично-заводского быта сообразно справедливым желаниям рабочих и ленительно к тем порядкам, которые уже существуют в благоустроенных странах : развитой промышленностью; «более правильное распределение налогов в зависимо-|ств от доходов»²⁸. В целом, старообрядческая платформа была значительно ближе к эграмме октябристов, а не конституционных демократов. Съезд отверг кадетский зунг автономии окраин, выступив за «единство и целость России». Старообрядцы не одержали и кадетское требование всеобщего избирательного права. II чрезвычайный съезд продемонстрировал, что в общем старообрядцы лояльны к асти и готовы с ней сотрудничать. Это показало, например, обсуждение статуса «На-дной газеты», издание которой задумал Рябушинский. Доклад об этой газете и при-жении к ней («Голос старообрядца») внесли Сироткин и Бриллиантов. Предполагать, что пай в товариществе по изданию «Народной газеты» будут принадлежать ис-ючительно старообрядцам, и она станет защищать интересы старообрядчества.

83

Однако старообрядческий архиепископ Иоанн воспротивился приданию газете статус официального органа, заявив, что все старообрядцы не должны нести нравственной ответственности за возможные «ошибки» издателей. Его поддержал один из самых авторитетных купцов-старообрядцев, попечитель Рогожского кладбища, кирпичный заводчик И.К. Рахманов, заявивший об отказе от участия в издании газеты. В результате Сироткину пришлось поставить на голосование резолюцию о том, что за «Народную газету» «съезд как нравственной, так и материальной ответственности на себя не принимает», хотя и «желает выхода в свет газеты, подходящей к духу старообрядчества» Эта резолюция была утверждена²⁹. Отказавшись взять на себя ответственность за публикации «Народной газеты», съезд старообрядцев явно дистанцировался от враждебного отношения к режиму³⁰. И не напрасно, поскольку, как видно из последнего исследования Э. Вишневы, содержание «Народной газеты» действительно сразу приобрело ярко выраженный оппозиционный характер³¹.

Еще одним проявлением лояльности старообрядцев к власти стало решение съезда о направлении депутации к царю. Ее возглавили виднейшие представители старообрядческого делового мира: Сироткин, Рябушинский, Пуговкин, Рахманов и другие 21 февраля 1906 г. в Царскосельском дворце делегацию (120 человек от разных согласий) принял Николай II. Сироткин сказал императору: «Мы твердо верим, что начертанный тобою путь к обновлению России на основах свободы и единения с народом возвеличит наше отечество и сделает имя твое священным из рода в род»³². После этого царю были поданы адреса с 76 447 подписями старообрядцев с благодарностью за дарование свободы веры.

Политическая позиция старообрядчества, обозначенная на II чрезвычайном съезде, была подтверждена VII съездом старообрядцев, прошедшим в Нижнем Новгороде. Съезд состоялся 2-5 августа 1906 г., т.е. вскоре после роспуска I Государственной думы. Однако старообрядцы никак не отреагировали на это событие. Более того, по предложению Сироткина съезд послал телеграмму П.А. Столыпину с просьбой о том, чтобы выработанное на предыдущем, VI съезде «Положение о церковно-приходской старообрядческой общине» было издано до созыва новой Государственной думы царским указом (по ст. 87 Основных законов). Тем самым старообрядцы ясно давали понять, что они, во-первых, готовы взаимодействовать с властью и в отсутствие Думы, а во-вторых, признают вполне правомочным активное использование правительством Столыпина пресловутой 87 статьи. Столыпин быстро откликнулся на просьбу старообрядцев. 17

октября 1906 г. был издан указ Николая II Сенату о введении в действие. «Правил о порядке устройства последователями старообрядческих согласий общин. также о правах и обязанностях сих лиц». Однако содержание этого указа, вполне устаревшее старообрядцев-предпринимателей, явно не удовлетворило священнослужителей и начетчиков. По их инициативе 15-17 мая 1907 г. в Москве на Рогожском кладбище состоялся III чрезвычайный съезд старообрядцев. Он высказался за пересмотр закона с тем, чтобы необходимое число учредителей общины снизилось бы с 50 до 10 человек, администрация лишилась бы права закрывать общину, а ведение метрических книг не вменялось бы в обязанность старообрядческим священникам.

Вопрос о метрических книгах оказался самым болезненным. Он обнажил все противоречия между духовенством и попечителями и привел к острому конфликту между ними. Сами метрические книги для регистрации рождений, смертей и браков старообрядцев появились по закону 1874 г. и заполнялись полицией. Но по ряду причин они получили значительного распространения. Между тем только занесенный в метрическую книгу акт мог повлечь за собой гражданские последствия, в том числе имущественные. Это создавало большие неудобства для предпринимателей-старообрядцев. Поэтому они через Совет съездов неоднократно обращались к правительству с просьбой передать ведение метрических книг старообрядческим священникам. Но, как оказалось, теперь старообрядческое духовенство не желало брать на себя ведение метрических книг, поскольку это налагало на него ответственность перед государством; ставило под контроль администрации. Это и было заявлено на III чрезвычайном съезде

84

I старообрядцев, собравшемся вопреки воле Сироткина. В ответ Дмитрий Васильевич I покинул заседание и уехал из Москвы, а уполномоченные съезда передали исправленный ими проект закона об общинах с объяснительной запиской в соответствующую I комиссию II Государственной думы.

I Однако Сироткин не собирался уступать без борьбы, тем более что II Государственная дума была вскоре распущена, и ее труды остались без последствий. На VIII съезде старообрядцев, состоявшемся 2-5 августа 1907 г., он, по утверждению его противников, «несмотря на то, что в порядке дня совсем отсутствовал вопрос о законопроекте об общинах, насильственно поставил его на очередь и при помощи недопустимых ни в каком порядочном собрании приемов большинством 54 против 37 перерешил постановлением московского съезда³³. При этом в вопросе о метриках нижегородский вариант принципиально отличался от московского и сильно походил на правительственный. Из-за этого оппоненты Сироткина, принадлежавшие к левому крылу старообрядчества (их точку зрения отражал журнал «Старообрядцы» — наследник закрытого Бастями «Старообрядца»), начали резко упрекать Дмитрия Васильевича за стремление «попасть в тон правительственной политике»³⁴. Публицистов крайне возмущало, что Сироткин, «уклонившись от своих прямых задач церковно-общественного характера, вздумал заняться переселением старообрядцев на Амур». Авторы журнала предвещали, что это было вызвано страстью Сироткина к «шумихе», его стремлением выставить себя в Петербурге в качестве представителя не только церковно-общественных, но и экономических и политических интересов старообрядчества»³⁵. I Сироткин вместе с Рябушинским действительно вплотную занялись в то время переселенческим вопросом, вновь обсуждавшимся на организованном ими съезде старообрядцев, который состоялся 22-26 февраля 1906 г. в Москве. Выявившаяся на съезде острая земельная нужда многих крестьян — приверженцев старой веры заставила вспомнить о давнем проекте переселения старообрядцев на свободные дальневосточные земли, реализация которого была сорвана началом русско-японской войны, только теперь речь шла не о Маньчжурии, а о русском Приамурье. Правительство Бюльбина целенаправленно поощряло тогда русское заселение Дальнего Востока, и в марте 1907 г. Главное управление земледелия и землеустройства направило в Совет старообрядческих съездов письмо с предложением предоставить бесплатный железнодорожный проезд на Амур представителям старообрядцев с тем, чтобы они выбрали пробные места для переселения. Совет съездов

оповестил об этом старообрядческие Вунходы, а 25—26 июля 1907 г. организовал в Москве съезд крестьян-ходоков, уполномоченных своими общинами для поездки на Дальний Восток. В дальнейшем при содействии Сироткина и Рябушинского на дальневосточные земли переселилось значительное число старообрядцев. Тем самым старообрядцы и их политические лидеры приняли деятельное участие в осуществлении Столыпинской аграрной реформы, несмотря на критику в их адрес со стороны левого крыла старообрядчества. Между тем проект закона о старообрядческих общинах, одобренный VII съездом, а точнее Сироткина был внесен в соответствующую комиссию III Государственной думы как выражающий пожелания всех старообрядцев. Естественно это вызвало недовольство организаторов III чрезвычайного съезда и старообрядческих архиереев Иоанна и Иннокентия, что в свою очередь, едва не привело к прекращению Всероссийских съездов старообрядцев. Отношения с Иннокентием у Сироткина давно были неоднозначными. Первое крупное столкновение между ними произошло осенью 1907 г. связано с тем, что Иннокентий присоединил к старообрядческой церкви архимандрита Михаила (Семенова), бывшего профессора Петербургской духовной академии. Архимандрит Михаил был человеком извилистой судьбы. Известный церковный писатель, в свое время искусно вел полемику с Д.С. Мережковским и другими декадентами участниками Религиозно-философских собраний. Затем, наоборот, произошло его сближение с четой Мережковских, а в 1907 г. Михаил присоединился к старообрядческой белокриницкой митрополии. Однако у многих деятелей старообрядчества вызывало сомнение искренность его перехода в «старую веру». Как утверждал в 1909 г.

85

В.Е. Мельников, Михаил присоединился к старообрядчеству лишь для того, чтобы получить епископскую кафедру, а затем создать «новую церковь, в которой будут смешаны старообрядческие, никонианские, сектантские обычаи»³⁶.

Сироткин тоже с недоверием отнесся к Михаилу и повел против него «сильную кампанию»³⁷. Но вмешательство председателя Совета съездов в чисто церковное дело вызвало недовольство старообрядческих епископов. Еще больше они возмутились, когда узнали, что Сироткин и Бриллиантов в январе 1908 г. тайно вели переговоры с попечителями Преображенского кладбища (лидерами беспоповцев) о внесении в проект закона о старообрядческих общинах статьи, предусматривающей создание Совета съезда общин. Этот орган, по плану Сироткина, должен был действовать постоянно, иметь административную власть над общинами и являться официальным представителем старообрядцев перед правительством. «Учреждение такого органа, - писал журнал "Старообрядцы", - вызовет междоусобицу и даже раскол в старообрядчестве, так как высшим административным и судебным органом в старообрядчестве является собор епископов, на права которого очевидно и покушается г. Сироткин»³⁸. На страницах «Старообрядцев» он обвинялся в том, что хочет создать в старообрядчестве «нечто вроде синода», «захватить под шумок власть» и «дать тепленькое местечко своему протеже Бриллиантову». Журнал писал, что «г. Сироткин в Петербурге выдает свои личные взгляды и желания за голос всего старообрядчества», что «старообрядчество нужно г. Сироткину лишь как реклама, что он старается при помощи его афишировать себя для поправления своих дел» и смотрит на старообрядчество «как на нефтепромышленное или торговое предприятие»³⁹.

Конфликт Сироткина и старообрядческих архиереев едва не привел к прекращению Всероссийских съездов старообрядцев. 27 июня 1908 г. на старообрядческом Освященном соборе в Москве архиепископ Иоанн в ответ на прошение Бриллиантова прислать депутатов Собора на IX старообрядческий съезд, ответил: «Собор не посылает к вам депутатов и вас не приглашает». Обосновал свое решение владыка так: «Ваши председатели и деятели - бритые и не соблюдают постов»⁴⁰.

Конечно, причина конфликта заключалась не только в том, что товарищ председателя Совета съездов П.П. Рябушинский брил бороду, оставляя от нее только небольшой клинышек. Газета «Нижегородский листок» по этому поводу писала: «...Съездам противопоставляются соборы. По-видимому, этой борьбой объясняется и поход против "брадобрицев", какими именно и являются те сильные люди в старообрядчестве, которые

имели голос при прежних порядках» (когда они опекали гонимое властями духовенство)⁴¹. Но теперь духовенство хотело освободиться от этой опеки. Недаром на Освященном соборе в июне 1908 г. священник Алексей Калягин прямо заявил: «Съезды - случайное явление в жизни. Их задачи теперь выполняет Освященный собор»⁴². Противники съездов утверждали, что «теперешние съезды - это группа купцов и богатеев, приехавших на ярмарку; группа капиталистов, которые ради честолюбия хотят играть роль руководителей старообрядчества»⁴³.

Однако IX съезд старообрядцев все-таки состоялся. Он, как обычно, прошел в Нижнем Новгороде, в доме Сироткина 2-5 августа 1908 г. На открытии съезда не было ни одного епископа, но на втором заседании появились Иннокентий и несколько священников, участвовавших в Освященном соборе. Это стало большим успехом Сироткина, поскольку полное отсутствие духовенства могло отрицательно сказаться на авторитете съезда. Но оппоненты Сироткина прибыли на съезд для того, чтобы добиться своего в вопросе о метрических книгах. Они предложили своего рода «нулевой» вариант: вновь постатейно обсудить правительственный законопроект о старообрядческих общинах без учета решений как III чрезвычайного, так и VIII съездов. Прямо отвергнуть пожелание духовенства Сироткин не мог, но ему удалось убедить делегатов не рассматривать этот вопрос прямо на съезде, а передать его в особую комиссию, куда вошли в полном составе члены Совета съезда во главе с Сироткиным. Еще одной его победой стало то, что съезд тайным голосованием одобрил действия Совета по содействию переселению малоземельных крестьян-старообрядцев в Амурскую область.

86

Вопрос о переселении на дальневосточные земли подробно обсуждался и на X съезде 18-19 августа 1909 г. Кроме того, делегаты съезда рассмотрели пути развития старообрядческих школ, а также планы создания в старообрядческих селениях учреждений мелкого кредита и сельскохозяйственных обществ. Съезд показал, что влияние нна в старообрядческой среде ослабело. Хотя он и был избран на новый трех-летний срок председателем Совета съездов, но зато его ближайший сподвижник Брильгов в Совет не попал (товарищем председателя остался Рябушинский). Самым важным для Сироткина сигналом стало предложение П.Н. Пастухова перевести съезды в Москву. Пастухов, представлявший Екатеринославскую губ., обосновал это тем, что до Москвы удобнее добираться представителям окраин. Однако большинство ггатов все-таки высказалось за созыв будущего съезда в Нижнем Новгороде, пре-гавив Совету право созывать съезд в разных городах, в зависимости от обстоятельств. Обстоятельства же потребовали проведения следующего съезда в Москве. Причиной этого стало резкое обострение противостояния Сироткина и старообряд-ского епископа Нижегородского и Костромского Иннокентия, тайно и единолично 1 было нарушением церковных канонов) рукоположившего 22 ноября 1908 г. Мила (Семенова) в епископа Канадского. Одной из причин тайного характера рукопо- Михаила Иннокентий назвал нерасположение к неопиту со стороны Сирот-и Рябушинского, «которые утверждают, что не верят в его искренность»⁴⁴. Си-ш действительно был возмущен поступком нижегородского епископа. Вместе с ишантовым и попечителем Рогожского кладбища Трегубовым он подписал про-не о скорейшем рассмотрении дела Иннокентия Освященным собором, считая, что i допущенное нарушение Иннокентий должен быть запрещен в служении. Пик про-стояния Иннокентия и Сироткина пришелся на 1910 г., когда нижегородский ку-е~ воспротивился увольнению священника его домово-й церкви. Совет нижегородской -эообрядческой общины, возглавлявшийся Сироткиным, официально лишил епис-~а власти увольнять священника, присвоив это право себе⁴⁵. Возмущенный Инно-: -тий 7 февраля 1910 г. выехал из дома Сироткина на Ильинке, где до этого жил, об-г-ив Совет в уклонении от «канонических устоев» и пригрозив его членам отлучени-". Развязка наступила на общеприходском собрании, состоявшемся 20 апреля 1910 г. : домово-й церкви Сироткина на Ильинке. Когда Иннокентий попытался высказать ю точку зрения, Сироткин лишил его слова, «как не члена общины», а в ответ на глик-и возмущенных прихожан крикнул: «Я не только лишу права голоса епископа, ;аже архиепископа, митрополита, хотя бы даже

патриарха»⁴⁷. Вызывающее поведение; Сироткина оттолкнуло даже многих его сторонников, не говоря уже о возмущении швенства. В итоге он заявил об отказе от должности председателя нижегородской с~;рообрядческой общины.

В итоге после десятилетнего перерыва XI съезд старообрядцев открылся в Москве, в Рогожском кладбище. Его организатором стал Рябушинский, а Сироткин письмен-¹ »■ заявил о своем категорическом отказе от должности председателя Совета съезда. ^!1_!1нако после острой дискуссии съезд большинством голосов попросил Сироткина ос-ся председателем Совета до окончания срока его полномочий⁴⁸. В 1912 г. конфликт между архиереями и попечителями постепенно начал терять ос-у. Закон о старообрядческих общинах в редакции Сироткина, вызывавшей недо-ьство старообрядческого духовенства, так и не вступил в действие. Он был принят Государственной думой в 1909 г., но Государственный совет не захотел его одоб-ь, внося в него многочисленные поправки, не устраивавшие старообрядцев. Согла-:::~?~ельная комиссия Государственной думы и Государственного совета не смогла прий-■ -А к общему мнению. В результате законопроект был внесен в Государственную думу [повторного обсуждения. А жизнь старообрядческих общин, в том числе и вопрос о jетга метрических книг, регулировал указ 17 октября 1906 г., к которому старооб-ческое духовенство постепенно приспособилось. Духовенство и попечители убеди-, что их противостояние лишь ослабляет старообрядчество, и постепенно начали шаги к примирению. Личная встреча архиепископа Иоанна с Рябушинским и

87

Сироткиным произошла только на XIII съезде старообрядцев 7-9 ноября 1913 г. в Политехническом музее в Москве. На съезде был избран новый состав Совета. Председа телем его на очередной срок стал Сироткин, товарищем председателя - Рябушинскш которому теперь принадлежала главная роль в устройстве старообрядческих съездот поскольку они проходили уже не в Нижнем Новгороде, а в Москве.

Кроме того, у Сироткина оставалось уже значительно меньше времени на руково* ство старообрядческим движением, так как в 1913 г. он был избран городским голово Нижнего Новгорода. К тому же, с 1907 г. Сироткин являлся председателем Нижегородского биржевого комитета, с 1908 г. - председателем Совета съездов судовладельцев Волжского бассейна, с 1910 г. — руководителем нефтетранспортного обществ «Волга». Гордостью «Волги» являлись пять гигантских железных барж собственной конструкции Сироткина («Марфа Посадница», «Боярыня Морозова», «Евдокия Ур; сова», «София Палеолог», «Зинаида Волконская», каждая длиной более 150 м). А 1911 г. Дмитрий Васильевич начал осуществление другого грандиозного проекта - замену пароходов теплоходами с дизельными двигателями. Таким образом, к началу Первой мировой войны Сироткин возглавлял фирмы: «Волга», «Нижегородский телеход», «Крестьянин» (речные перевозки нефтепродуктов), «Хива» (пароходное сообщеение по Амударье и Аральскому морю), «Биби-Эйбат» (нефтепромыслы в Баку Кроме того, он являлся членом совета Московского банка, членом правления общества Сормовских заводов, Нефтепромышленного и разведочного общества и Волжско-Черноморского общества. Еще более возросли масштабы общественной и предприш матерской активности Сироткина во время войны, когда удачливый пароходчик во: главил Нижегородский биржевой и областной военно-промышленные комитеты, также нижегородский комитет Всероссийского союза городов.

В начале 1917 г. Дмитрий Васильевич был избран городским головой Нижнего Новгорода на второй срок. Он приветствовал Февральскую революцию и инициировал создание в Нижнем Новгороде первого органа революционной власти - Городского общественного комитета. Затем из него был выделен исполком, председателем которого стал Сироткин. Однако этот орган оказался громоздким и недееспособным, этих условиях Сироткин с апреля 1917 г. перестал председательствовать на заседаниях губисполкома. 15 мая 1917 г., после того как Городская дума Нижнего Новгорода в результате довыборов пополнилась группой гласных-большевиков, Сироткин отказал(от должности городского головы⁴⁹. На новых выборах в Городскую думу в июле 1917 список нижегородских предпринимателей во главе с Сироткиным получил всего 1.6% голосов избирателей. В сентябре 1917 г. Сироткин, как представитель Политического а юза старообрядческих

согласий, вошел в состав Временного совета Российской республики (Предпарламента), однако в Учредительное собрание он избран не был.

После Октябрьской революции бывший лидер старообрядцев находился на «& лом» Юге. Следы его пребывания отмечены в Крыму и Ростове-на-Дону. Судя по интересным воспоминаниям Н.В. Савича, Сироткин играл важную роль в ростовских предпринимательских кругах, а в конце 1919 г. покинул Россию, отправившись в Францию к П.П. Рябушинскому⁵⁰. В 1920 г. нижегородский предприниматель обосновался в Югославии. На Дунае он имел небольшое пароходное дело, но сербские реи не могли заменить ему родной Волги. В конце 1920-х гг. Сироткин написал Горькому и председателю СНК СССР А.И. Рыкову о своем желании вернуться домой, «чтобы работать по организации волжского транспорта»⁵¹. Но эта просьба не была удовлетворена.

В Белграде не имелось старообрядческого прихода, и Дмитрий Васильевич долгие годы жил без церкви. Умер он 13 июля 1953 г. в Белграде, менее чем через год после смерти жены, Марии Кузьминичны (урожденной Четверговой, дочери казанского пароходчика). Похоронили бывшего руководителя Всероссийских старообрядческих съездов вместе с супругой на белградском кладбище «Ново Гроблье» на участке 84, в третьем секторе из русских могил. Известно, что он писал воспоминания, но следы и к сожалению, затерялись.

88

Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969.

Григорьев Н.Н. Старообрядчество Восточной Сибири в XVII — нач. XX в. Дисс. ... канд. ист. наук, тек, 1998; Васильева С.В. Старообрядчество западного Забайкалья и вероисповедальная политика Игосударства (XVII - нач. XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000; Ершова О.П. Старообрядчество и государственная политика России в области вероисповедания во второй половине XIX — нач. XX в. ... доктора ист. наук. М., 2000; Стадников А.В. Московское старообрядчество в социальной истории России 19 - начала 20 вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000; Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири во второй половине 19 — начале 20 в. Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001; Марченко . Старообрядчество в Санкт-Петербурге во второй половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001; Юкофьева Н.В. Старообрядчество Верхнего Поволжья в конце XVIII - нач. XX веков. Дисс. ... канд. т. наук. Ярославль, 2001; Плоткин В.А. Старообрядчество и старорусское сектантство Пензенской губернии (20-е годы XIX века - начало XX века). Дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; Сулова Л.Н. Старообрядчество и власти в Тобольской губернии в конце XVIII - нач. XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.

3 Виноградова О.А. Общественно-политическая жизнь старообрядчества в России в нач. XX в. ... канд. ист. наук. М., 1999. 4 Козлов В.Ф. Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни, общественные

организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVIII-XX вв.): Сб. научн. трудов. М., 1999. - Никитин В.В. Кержаки: Старообрядцы в Нижегородском Поволжье // Буревестник. Горький, 1990. ■ См. напр.: Лавричев В.Я. По ту сторону баррикад (из истории борьбы московской буржуазии с люцией). М., 1967; Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 - весна 1917 г.). М., 2003. г Краткую справку о нем как о старообрядческом деятеле см.: Сироткин Дмитрий Васильевич // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

* Остаповский старообрядческий приход // Старообрядец. 1907, № 5. С. 562—563.

* Дмитрий Сироткин. Письма в Россию // Нижний Новгород, 1998. № 10. С. 212.

10 Смирнов Д.Н. Очерки жизни и быта нижегородцев в начале XX века. 1900-1916 годы. Нижний Новгород, 2001. С. 31.

11 Протоколы Пятого Всероссийского съезда старообрядцев в 1904 г. Б.м., б.г. Л. «г», (нумерация листов в этом издании — буквенная, древнерусская).

!~ Там же. Л. «лг». об.; Труды Шестого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2— 1905 г. Нижний Новгород, 1905. С. 69.

13 Цит. по: Никитин В.В. Указ. соч. С. 237.

14 Протоколы Пятого Всероссийского съезда... Л. «лд».

15 Труды IX Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2-4 августа 1908 г. Нижний

од, 1908. С. 74. " Протоколы Пятого Всероссийского съезда...Л. «лв» об.

17 Там же. Л. «ли» - «м».

18 Труды Шестого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2-5 августа 1905 г. 419.

19 Волгарь (Нижний Новгород). 1905. 4 августа.

Отдел рукописей Нижегородского государственного литературного музея А.М. Горького. ГМГ. ; 10202.

21 Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО), ф. 916, оп. 3, д. 81, л. 273. ~ Труды VII Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2-5 августа 1906 г. и II чрезвычайного съезда старообрядцев в Москве 2-3 января 1906 г. Нижний Новгород, 1906. С. 203.

23 Там же.

24 Мельгунов С.П. Старообрядчество и освободительное движение // Русские ведомости. 1906. рая.

Шевцов А.В. Непериодические издания русских либеральных и консервативных партий начала века: библиографический указатель. СПб., 2002. С. 52. •

...

26 Русские ведомости. 1906. 3 марта.

''' Волгарь. Нижний Новгород. 1906. 17 марта; Народная газета. Москва. 1906. 25 марта.

3 Труды VII Всероссийского съезда... С. 200-201.

39 Там же. С. 184.

30 Публикации «Народной газеты» не раз вызывали резкие протесты со стороны консервативно настроенных старообрядцев. Последней каплей стало кощунство «Народной газеты» по отношению к свя-

I

I

89

©2005г. Д.В. ЛИХАРЕВ*

СПОРЫ О ПРИЧИНАХ ЦУСИМСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Цусимское морское сражение в мае 1905 г. занимает не только особое место в российской историографии русско-японской войны, но и является, если можно так сказать, одной в «больных тем» российского национального самосознания. Не случайно объяснению причин Цусимской катастрофы посвящено множество мемуаров, научных статей, монографий и воеж-но-морской беллетристики. При этом за прошедшие 100 лет взгляды отечественных историков и беллетристов на это событие эволюционировали самым причудливым образом, а поле мика между ними продолжает сохранять большой эмоциональный накал. Литература о Цус* ме дает яркие примеры исторического мифотворчества, а ее изучение и историографический | анализ позволяют выйти на раскрытие механизма такого явления, как «фольк-хистори», получившего широкое распространение в постсоветской России.

Сражение главных сил японского флота под командованием адмирала Х. Того и российской 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского и)-лучило отражение в многочисленных документальных свидетельствах, основной массив коп-рых отложился в РГА ВМФ в Петербурге. Желание высшего российского военно-морское-; руководства разобраться в причинах катастрофы, постигшей наш флот в бою 14—15 1905 г., способствовало тому, что большинство наиболее важных документов по этому вошж- ' су вскоре было опубликовано. Первыми увидели свет приказы и циркуляры по 2-й эска;-опубликованные во Владивостоке в конце 1905 г. и составившие весьма увесистый том об": мом более 600 страниц1. А в декабре того же года была создана специальная

следственная > миссия по выяснению обстоятельств Цусимского боя. Участникам событий, включая Рожественского, был предложен обширный перечень вопросов, призванных выяснить, в частности, ■ роль самого командующего погибшей эскадрой. Собранные комиссией материалы под грифом «не подлежат оглашению» были опубликованы в 1907-1914 гг. в многотомной документарной серии, посвященной действиям флота в русско-японской войне 1904—1905 гг. В нее вошли официальные донесения и рапорты флагманов, офицеров штаба и кадры, командиров кораблей, а также показания участников сражения, включая старши: матросов, кочегаров, санитаров и т.д.² Отдельным томом вышли из печати материалы «... в ходе и судебного процесса по делу о сдаче кораблей отряда контр-адмирала Н.И. Небогатого» Комплекты многотомника разослали в Военно-морскую академию, штабы флотов и соединений, библиотеку Морского министерства, библиотеки береговых морских собраний и команд компаний кораблей 1-го и 2-го рангов, причем начальствующим лицам настоятельно рекомендовано: «... не чинить препятствий господам офицерам, желающим ознакомиться с этими материалами».

Впоследствии историческая комиссия, созданная при Морском генеральном штабе, на основе этих документов смогла буквально по минутам реконструировать ход Цусимского сражения и составить его описание⁴. Одновременно в России перевели и очень оперативно издали японское командование о Цусимском сражении и 4-томное официальное описание военных действий на море в 1904—1905 гг., подготовленное Морским генеральным штабом Токио⁵.

Среди источников личного характера выделяются три опубликованные эпистолярные лекции. Адмирал Рожественский после окончания войны, по всей видимости, не имел намерения писать мемуары и таким образом попытаться оправдаться перед потомками. Однако через два года после смерти Рожественского в альманахе «Море» были опубликованы его письма к жене, первое из которых датировано 4 сентября 1904 г. и отправлено накануне ухода эскадры на Дальний Восток, а последнее написано в японском плену в Киото 12 сентября 1905 г. Аллогичным образом поступили родственники погибших на флагманском броненосце «Князь Суворова» корабельного инженера Е.С. Политовского и младшего минного офицера лейтенанта П.А. Вырубова⁷.

Некоторые мемуаристы считали, что им есть в чем оправдываться перед современниками и потомками. Эта мотивация отчетливо прослеживается в книге «Уроки морской войны» капитана 1 ранга Л.Ф. Добротворского, командовавшего крейсером «Олег» - флагманским

* Лихарев Дмитрий Витальевич, доктор исторических наук, декан исторического факультета Удмуртского государственного педагогического института.

168

капитаном контр-адмирала О.А. Энквиста⁸. Под влиянием Добротворского в ночь на 15 мая крейсерский отряд отказался от прорыва во Владивосток и ушел в Манилу, где корабли разоружили, а экипажи интернировали до конца войны. Этот «прорыв» трех русских крейсеров скорее напоминал бегство с поля сражения и потому навлек на их командиров критику со стороны общественности и военных моряков. «Уроки морской войны» не являются мемуарами в строгом смысле слова. Это полемически заостренное публицистическое произведение, в котором Добротворский объясняет причины своих действий в Цусимском сражении, отвечая прежде всего известному военно-морскому теоретику капитану 2 ранга Н.Л. Кладу.

Большинство мемуаров цусимцев вышли в свет на протяжении первых 5 лет после окончания русско-японской войны⁹. Несколько отличный от кадровых военных моряков взгляд запечатлели мемуары двух «непрофессиональных» участников похода и очевидцев Цусимского сражения - военного врача В.С. Кравченко и корабельного священника о. Зиновия (Дроздова) с крейсера «Аврора»¹⁰.

Из дореволюционных публикаций самыми известными стали книги капитана 2 ранга В.И. Семенова, имевшего репутацию талантливого писателя и поэта. Начало войны он встретил старшим офицером крейсера «Диана» в составе 1-й Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре. После решающего боя порт-артурской эскадры с японским флотом 28 июля 1904 г. «Диана» прорвалась в Сайгон, где крейсер был разоружен, а экипаж интернирован.

Из Сайгона Семенов сумел добраться до Петербурга и 1 октября 1904 г. был зачислен в штаб 2-й Тихоокеанской эскадры, причем Рождественский ясно рассчитывал сделать его своего рода летописцем похода эскадры. Владимир Иванович оказался единственным русским военным моряком, который принял участие в обоих генеральных сражениях русских эскадр с японским флотом - 28 июля 1904 г. в Желтом море и 14-15 мая 1905 г. в Цусимском проливе. Свой личный опыт, вынесенный из русско-японской войны, Семенов описал в трилогии «Расплата» и двух книгах об эпопее 2-й Тихоокеанской эскадры, ставших ее логическим и хронологическим продолжением¹¹. И хотя сам автор называл свои произведения романами, фактически это были талантливо написанные мемуары, речь в которых шла о подлинных событиях и их реальных участниках. Из всех мемуаристов, участвовавших в Цусимском сражении, Семенов являлся наиболее убежденным и последовательным апологетом Рождественского, откровенно называя его своим наставником и кумиром.

После революции и Гражданской войны многие офицеры-цусимцы оказались в вынужденной эмиграции. Среди покинувших Россию был А.В. Витгефт - сын контр-адмирала В.К. Витгефта, командовавшего 1-й Тихоокеанской эскадрой после гибели С.О. Макарова и погибшего в сражении 28 июля 1904 г. при попытке прорыва его кораблей во Владивосток. В Цусимском бою А.В. Витгефт принял участие в качестве офицера экипажа эскадренного броненосца «Си-сой Великий». После 1917 г., когда восставшие матросы убили его брата В.В. Витгефта, также морского офицера и героя обороны Порт-Артура, он эмигрировал в Германию. Рукопись «Воспоминаний» А.В. Витгефта, написанных через 4 года после окончания русско-японской войны, 50 лет пролежала в РГА ВМФ и только в 1960 г. была опубликована в журнале «Исторический архив»¹².

По идейным соображениям отправился в эмиграцию капитан 2 ранга Г.К. Граф - отмеченный боевыми наградами военный моряк и убежденный монархист. С 1924 г. он стал начальником канцелярии и личным секретарем великого князя Кирилла Владимировича, который опубликовал манифест о принятии им императорского титула. В 1930 г. в Париже* на русском языке вышла книга воспоминаний Гаральда Графа, проделавшего весь путь из Константинополя до Цусимы со 2-й Тихоокеанской эскадрой на транспорте «Иртыш». Одновременно в Праге были опубликованы мемуары однокашника Графа по Морскому кадетскому корпусу кн. Я. Туманова, служившего в мичманском звании на эскадренном броненосце «Орел». Лишь относительно недавно эти ценные свидетельства переиздали в нашей стране и они стали доступны широкому кругу российских читателей¹³.

Только три мемуариста-цусимца приветствовали советскую власть, и впоследствии книги их воспоминаний издавались в советских издательствах. Самой известной из них, несомненно, является роман-мемуары «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя. Впервые это произведение вышло в свет в двух частях в издательстве «Федерация» в 1932-1935 гг. С тех пор в СССР в постсоветской России роман выдержал десятки переизданий, тиражи которых нередко исчислялись шестизначными числами. «Цусима» переведена на многие языки, в том числе английский и японский, а ее автор в 1941 г. удостоился Сталинской премии. Для нескольких поколений советских читателей роман А.С. Новикова-Прибоя оставался главным и единственным источником информации о Цусимском сражении и причинах поражения 2-й Тихоокеанской эскадры. Успех

169

романа во многом предопределило то, что его автор, тогда еще простой матрос броненосца «Орел» Алексей Новиков проделал весь путь с эскадрой Рождественского до Цусимы и стал -посредственным участником и очевидцем грандиозного сражения. В предисловии к роману писал: «Я хорошо понимал всю важность события, происходящего при Цусиме, и немедленно принялся заносить свои личные впечатления о своем корабле на бумагу. Потом начал собирать материал о всей нашей эскадре»¹⁴. В лагере военнопленных в Кумамото были собраны команды почти всех русских кораблей, принимавших участие в Цусимском сражении, и около полутора десятков грамотных матросов выступили в качестве добровольных помощников будущего автора «Цусимы». Они проводили опросы своих товарищей, собирали записи и дневники. По утверждению Новикова-Прибоя, ему удалось собрать

уникальный материал: «Можно смело утверждать, что ни об одном морском сражении не было собрано столько сведений сколько у нас о Цусиме. Изучая подобный материал, я имел такое ясное представление о каждом корабле, как будто лично присутствовал на нем во время схватки с японцами. Нужно ж добавлять, что наши записи не были похожи на официальные описания этого знаменитого сражения»¹⁵. Правда, собранные им свидетельства рядовых участников сражения погибли самым нелепым образом в результате драки пленных солдат с матросами, из-за которой сам он угождает в японскую тюрьму. После освобождения Новиков энергично принялся восстанавливать материалы, с которыми возвратился в Россию. Однако здесь он как активный участник революционного движения и автор обличительных публикаций о русско-японской войне подвергся преследованиям со стороны официальных властей и с 1907 г. оказался в вынужденной эмиграции. Брат писателя, С.С. Новиков, живший в их родном селе Матвеевском, опасаясь обысков, собрал все его записи и спрятал их в различных укромных местах. Впоследствии все бумаги были найдены, и с осени 1928 г. писатель смог приступить к работе над главным произведением всей его жизни, которое принесло ему мировую известность.

Вторым мемуаристом стал соплавателем А.С. Новикова по эскадренному броненосцу «Орел» талантливый военно-морской инженер В.П. Костенко. Так же, как и автор знаменитого романа, он был активным участником революционного движения. Его мемуары «На "Орле" в Цусиме» увидели свет только в 1955 г.¹⁶ за несколько месяцев до смерти автора. В СССР они выдержали два переиздания. Отечественные и зарубежные исследователи русско-японской войны по сей день считают труд Костенко лучшим военно-техническим анализом Цусимского сражения¹⁷. Характерно, что подавляющее большинство источников личного характера о Цусимском сражении исходило от представителей образованной элиты - офицеров, военно-морских инженеров, судовых священников, военных врачей. Среди них только два свидетельства* «от нижних палуб» - роман «Цусима» и книга А.В. Магдалинского «На морском распутье», написанная простым матросом¹⁸. Во время похода 2-й Тихоокеанской эскадры и Цусимского сражения он служил рулевым на крейсере «Олег», а впоследствии много лет работал капитаном речных судов на Волге.

В итоге возникло довольно парадоксальное явление: обилие опубликованных документов привело к тому, что отечественные историки не слишком утруждали себя архивными поисками. Типичным примером может послужить вышедший в 1990 г. обобщающий труд о морских операциях русско-японской войны 1904-1905 гг.¹⁹ Второй существенный изъян советской и российской историографии заключается в полном игнорировании отечественными авторами* японских источников и трудов японских историков. По сей день используются только уже упомянутые дореволюционные переводы официальных донесений и «Описание войны на море в 37-38 гг. Мейдзи». Из работ японских историков в лучшем случае цитируется английский перевод биографии адмирала Того Н. Огасавары²⁰. Отчасти такое положение дел объяснялось достаточно сложными отношениями между СССР и Японией, а главное - наличием языкового барьера и нежеланием его преодолевать. В результате на страницах отечественных исследований противник предстает некой безликой силой, а там, где речь идет о планах японского командования и мотивах принятия им тех или иных решений, преобладают одни предположения. Таким образом, мемуарная литература стала важным источником сведений о походе 2-й Тихоокеанской эскадры и сражении в Цусимском проливе, причем точки зрения, высказанные мемуаристами, усилиями историков впоследствии трансформировались в целостные концепции, вокруг которых по сей день ведутся научные дискуссии.

Все без исключения российские мемуаристы и последующие историки признавали, что к Цусимской катастрофе привел сложный комплекс причин. И если суммировать все, что было написано в России и СССР за 100 лет по поводу Цусимского сражения, то в качестве главных причин поражения русского флота можно выделить три: подавляющее превосходство технических и боевых характеристик японских кораблей над кораблями 2-й Тихоокеанской эскадры-

ры; некомпетентность и бездарность русского морского командования и лично Рожественско-го, персональные просчеты которого и явились главной причиной поражения; изъяны в моральной и боевой подготовке как офицеров, так и матросов русского военного флота. При этом всех российских и советских историков Цусимы можно условно разделить на три группы, в зависимости от того, на какой из перечисленных выше причин они настаивали при анализе Цусимской трагедии.

Первая версия исходила от адмирала Рожественского и его окружения. Однако ее поставили под сомнение уже вскоре после окончания войны. В Японии Рожественский и его штабисты узнали, что пленные офицеры занялись тактическим разбором Цусимского сражения. 24-летний корабельный инженер В.П. Костенко сделал перед ними доклад о постройке, боевых качествах и роли броненосцев типа «Бородино» в Цусимском бою. Главный вывод докладчика сводился к тому, что причина поражения заключалась не в технических недостатках кораблей, а стала следствием ошибок, допущенных командованием. Доклад вызвал горячую полемику. Офицеры штаба эскадры отрицали губительную роль распоряжений Рожественского в момент завязки боя и стремились возложить вину за недостаточную остойчивость новейших броненосцев на Морской технический комитет и Морское министерство.

В ответ на выступление Костенко бывший командующий эскадрой проинформировал Морское министерство о политической неблагонадежности молодого инженера. Однако, вопреки ожиданиям адмирала Костенко со службы не уволили. Военные судостроители отнюдь не горели желанием разделить с командованием бремя ответственности за Цусимскую катастрофу²¹.

19 апреля 1906 г. в конференц-зале Главного Адмиралтейства состоялся доклад Костенко, на который были приглашены около 100 человек - в основном высшее руководство военного судостроения, флагманов и командиров кораблей Балтийского флота, профессоров Военно-морской академии и др. Исследования Костенко, по сути, снимали вину за Цусимское поражение с военных судостроителей. Излишне говорить, что молодого инженера оставили на службе вопреки требованиям Рожественского.

Хотелось бы подчеркнуть, что один из наиболее авторитетных современных специалистов в области истории российского военного судостроения конца XIX - начала XX вв. Р.М. Мельников после обстоятельного анализа технических характеристик русских броненосцев типа «Бородино» пришел к выводу, что «с точки зрения чистого кораблестроения,.. русские корабли ни в чем существенном японским не уступали, а в решительном бою на близком расстоянии обладали несомненным превосходством»²². При этом он сделал, однако, существенную оговорку, которая сводилась к тому, что все эти технические преимущества в значительной мере оставались лишь потенциальными. Их еще надлежало реализовать, и сделать это могли только хорошо обученные экипажи и умелые командиры.

Кроме того, многие участники сражения в своих воспоминаниях указывали на чудовищную разрушительную силу японских снарядов, взрывавшихся от столкновения с самым незначительным препятствием и даже от ударов о воду. Впоследствии известный писатель В.С. Пикуль окончательно «демонизировал» японские боеприпасы в своем романе «Три возраста Окини-сан»: «Все дело было в проклятой шимзе! ...От этого адского варева броня стекала с бортов, как воск, у людей при вздохе сгорали легкие, а взрывы давали такую массу мельчайших осколков, что спастись от них практически было невысказано»²³. Однако современные исследования А. Киличенкова, В.П. Кузина и СИ. Титушкина дают более взвешенную оценку этому фактору боя²⁴. Выбор японским командованием фугасных снарядов в качестве основного типа боеприпасов для военного флота был подсказан опытом японо-китайской войны 1894—1895 гг. Киличенков указывает при этом, что «японские снаряды, о достоинствах которых много говорилось, имели один существенный недостаток: они не пробивали брони!»²⁵ данное обстоятельство объясняет тот парадоксальный факт, что броненосец «Орел», получивший, по подсчетам Костенко, 42 попадания 305-мм снарядами и 102 попадания снарядами калибром от 152 до 203-мм (некоторые современные

исследователи называют даже большую цифру), тем не менее остался на плаву и сохранил неповрежденными жизненно важные центры корабля.

Для уничтожения 4 русских эскадренных броненосцев («Князь Суворов», «Ослябя», «Бородино» и «Император Александр III») потребовалась вся колоссальная огневая мощь главных сил японского флота, стрелявших в течение почти 6 часов. Достигнуто это было за счет того, что скорость стрельбы японской артиллерии в среднем на 26% превосходила скорострельность русских пушек, а результативность попаданий составила 3.2% от общего числа выпущенных снарядов против 1.2% у русских²⁶ (но это уже был результат хорошей выучки японских ар-

171

тиллеристов, а не технического превосходства военных кораблей страны Восходящего солнца). Однако некоторые современные авторитетные исследователи, в частности 1 ранга В.А. Крестьянинов, продолжают настаивать на «снарядной версии» как главным факторе разгрома русского флота: «Даже без учета меткости стрельбы и скорострельности тожг I ко одни снаряды давали противнику огромное преимущество. Если бы русские снаряды, попа- j шие в цель, были равноценны японским, исход боя был бы безусловно иным»²⁷.

В дореволюционной мемуарной литературе, советской беллетристике и даже в серьезны¹ научных исследованиях долгое время бытовали два стойких стереотипа. Утверждалось, что 2-я Тихоокеанская эскадра значительно уступала по своей силе 1-й, базировавшейся в Порт-Артуре, а отряд контр-адмирала Н.И. Небогатова, состоявший из устаревших эскадренной броненосца «Император Николай I», крейсера «Владимир Мономах» и трех однотипных низкобортных броненосцев береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Сен-Вин» и «Адмирал Ушаков» (флотские остряки немедленно прозвали эту эскадру «небогатой») i мог только ослабить эскадру Рожественского. Между тем новейшие исследования российски! военно-морских историков доказывают, что в действительности корабли отряда Небогатое» существенно усилили эскадру Рожественского. Анализ боевых коэффициентов 2-й Тихоокеанской эскадры, проделанный В.Ю. Грибовским и В.П. Познахиревым, позволил им сделать вывод, что уровень ее технической оснащённости был значительно выше, чем у 1-й эскадры. Относительно соотношения сил с японским флотом указанные авторы пишут следующее «...Главные силы эскадры по вооружению выглядели солидно: семь броненосцев Рожественского имели 28 орудий только крупного (254 мм и выше) калибра против 17 таких же пушек иг кораблях адмирала Того Хейхатиро. При рациональном использовании артиллерия русских кораблей могла нанести серьезные потери противнику, а в эскадренном сражении в открытой море она могла сыграть и решающую роль...» Один из главных выводов Грибовского и По-знахирева сводится к следующему: «В общем нельзя однозначно утверждать, что командующий был обречен на неудачу с негодными средствами»²⁸.

Но если технические и боевые средства, имевшиеся в распоряжении русских моряков, соответствовали требованиям того времени, то это значит, что проблема заключалась в человеческом факторе. Наиболее распространенным объяснением причины Цусимской катастрофы в российской и советской военно-морской литературе служит непрофессионализм командования 2-й Тихоокеанской эскадрой и, прежде всего, лично вице-адмирала Рожественского. Это объяснение в последние 10-15 лет является предметом наиболее ожесточенных споров средш российских военно-морских историков и публицистов. Надо сказать, что многие офицеры 2-й Тихоокеанской эскадры разочаровались в своем командовании еще во время перехода на Дальний Восток. Лейтенант П. А. Вырубов в письме от 5 февраля 1905 г. так характеризовал Рожественского: «Адмирал продолжает самодурствовать и делать грубые ошибки. В довершении всего он, видимо, не хочет идти вперед, но прямо об этом не говорит и маскирует всякими удивительными приказами... Мы все уже давно в нем разочаровались и путного уже давно от него ничего не ждем. Это продукт современного режима, да еще сильно раздутый рекламой. Карьера его чисто случайного характера. Может быть, он хороший придворный, но как флотоводец - грош ему цена!»²⁹ Вырубов считал, что шансы 2-й Тихоокеанской эскадры выглядели бы совсем по-другому с другим командующим: «...Я воображаю себе,

какую грозную силу представляла бы наша эскадра под флагом, например, Дубасова. Вот имя, которое грозно звучит для японцев! ...Тяжелый человек, но отличный моряк, обладающий многими талантами настоящего флотоводца. Дубасов сумел бы довести эскадру в блестящем состоянии, и уже если бы сцепился с Того, то основательно»³⁰.

Тезис об особой ответственности Рожественского за Цусимскую катастрофу являлся общепринятым в военно-морской литературе советских времен, хотя трактовался он несколько по-иному, чем в письмах Вырубова. Еще В.И. Ленин в своей дореволюционной публицистике настойчиво проводил мысль, что Цусимское поражение явилось закономерным итогом разложения экономической и политической системы российского царизма, а, следовательно, и его военной машины³¹. Ленинская трактовка русско-японской войны стала аксиомой для нескольких последующих поколений советских историков и писателей. Историки-марксисты видели в Рожественском типичный продукт «прогнившего режима», при котором путь вверх был обеспечен только законченным негодьям, ловким царедворцам и льстецам, но никак не независимым в суждениях и компетентным военачальникам. Впрочем, следуя этой мысли, все остальные царские адмиралы были ничем не лучше Рожественского. В красочной трактовке Новикова-Прибоя представители высшего командного состава 2-й Тихоокеанской эскадры предстают перед нами абсолютно отталкивающими личностями, совершенно не соответство-

172

вавшими сложности стоявшей перед ними задачи. Не меньшую категоричность в отношении флотоводческих качеств Рожественского продемонстрировала и серьезная научная литература тех лет. Профессор Б.Б. Жерве, возглавлявший в 1928-1931 гг. Военно-морскую академию, сделав обстоятельный разбор всех ошибок и промахов, допущенных Рожественским при формировании 2-й Тихоокеанской эскадры, во время похода на Дальний Восток и в сражении 14-15 мая 1905 г. установил, что их было не менее 1632.

Первыми с призывом к более объективной и взвешенной оценке Рожественского выступили, как ни странно, не историки, а литературоведы. В 1960 г. провинциальный литературный критик Л. Васильев в книге о творчестве Новикова-Прибоя указал, что «образ (адмирала. -ДЛ.), созданный в романе, несколько расходится с исторически конкретной личностью командующего 2-й Тихоокеанской эскадрой»³³. По его словам, Рожественский пользовался авторитетом в военно-морских кругах и считался знающим свое дело командиром. Васильев полностью отрицал вину адмирала за принятие решения об отправке 2-й эскадры на Дальний Восток, утверждая, что Рожественский прекрасно осознавал всю авантюристичность этого замысла, но как человек военный вынужден был подчиниться единоличному решению Николая II. Однако Васильев навлек на себя суровую критику со стороны других литературоведов и, прежде всего, самого авторитетного в то время знатока творчества Новикова-Прибоя В.А. Красильникова. Вердикт последнего был жестким и категоричным: «В характеристике Рожественского у Л. Васильева неверно почти каждое слово»³⁴.

Дальнейший пересмотр оценок роли Рожественского был тесно связан с социальными и политическими процессами, происходившими в СССР в 1970-1980-х гг. В интеллектуальных и творческих кругах отрицание советских идейных и культурных ценностей нашло выражение в двух тенденциях: с одной стороны, в обращении к либеральным ценностям Запада, а с другой - в идеализации, подчас совершенно необоснованной, дореволюционной царской России. Одним из проявлений последней тенденции стала реабилитация Рожественского и превознесения его флотоводческих талантов. Впервые смещение акцентов в оценке личности адмирала намечилось в упоминавшемся уже романе Пикуля «Три возраста Окини-сан» (1981)³⁵. Однако полный пересмотр прежнего отношения к Рожественскому в российской военно-морской литературе начался с конца 1980-х гг., когда окончательно исчезли все цензурные и идеологические барьеры. В публикациях С.Д. Климовского и в особенности В.Н. Чистякова командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой предстает уже выдающимся флотоводцем³⁶. Главным показателем флотоводческих талантов адмирала служит при этом осуществленный им в самом начале Цусимского сражения «гениальный» маневр по

перестройке двух колонн броненосцев в одну, который Чистяков даже именуется «ловушкой Рождественского». Этот маневр вынудил колонну японских броненосных кораблей совершить очень опасную эволюцию — последовательный поворот один за другим, когда каждый из них проходил одну и ту же точку под огнем русских пушек. При этом апологеты Рождественского оставляют без ответа вопрос о том, пошел ли адмирал Того на этот ведущий к победе, но очень рискованный шаг сознательно или его и в самом деле вынудила к таким действиям «ловушка Рождественского»? Причина этого была проста и банальна: перечисленные авторы не обращались к японским источникам.

Столь кардинальный пересмотр оценок роли Рождественского побудил многих специалистов выступить «в защиту традиционных точек зрения от аналитического мифотворчества»³⁷. Самым радикальным критиком Рождественского на сегодняшний день остается Р.М. Мельников, который в монографии о броненосцах типа «Бородино» называет Рождественского главным инициатором отправки 2-й эскадры на Дальний Восток. При этом, по мнению Мельникова, адмирал руководствовался исключительно эгоистическими карьерными соображениями (уже на шестой день по выходе эскадры из Либавы, 7 октября 1904 г. пришла телеграмма о производстве Рождественского в вице-адмиралы и пожаловании ему звания генерал-адъютанта)³⁸. Следует иметь в виду, что еще в 1925 г. Б.Б. Жерве высказал предположение, будто «Рождественский до ухода эскадры из России получил от верховной власти заверение, что цель похода эскадры на самом деле демонстративная»³⁹, и таким образом, выступая с инициативой отправки 2-й эскадры и предлагая себя в качестве ее командующего, адмирал ничем не рисковал, но зато получал огромные возможности для карьерного роста. Правда, Жерве тут же сделал оговорку, что никаких документальных подтверждений данному предположению он не нашел⁴⁰. И хотя за прошедшие со времени опубликования статьи Жерве 80 лет никаких источников, которые бы подтвердили эту версию, так и не обнаружилось, для Мельникова осторожное предположение его предшественника превратилось в непреложный факт. По его мнению, ничем другим нельзя обеспечить все «странности» 220-дневного перехода эскадры на Дальний Восток: за это время не отработывались совместные боевые маневры, практически не проводи-

173

лись учебные стрельбы, адмирал ни разу не собирал совещаний с флагманами и командирами кораблей, не ознакомил их с планами прорыва во Владивосток и даже не отдал приказ переокрасить корабли для ведения боя и освободить их от пожароопасной деревянной отделки. По мнению Мельникова, Рождественский до последнего момента был убежден, что до реального боевого столкновения с японцами дело не дойдет, и вскоре поступит приказ о возвращении эскадры к родным берегам.

Аналогичной точки зрения придерживается биограф В.П. Костенко Г.В. Смирнов. В доказательство он приводит разговор между главным инженером петербургского порта Д.В. Скворцовым и Костенко, переданный в мемуарах последнего. Скворцов доверительно сообщил своему собеседнику: «Не думайте, что вы серьезно пойдете воевать с японцами и попадете в бой... Дальше Мадагаскара вы все равно не пойдете, так как к тому времени, наверное, будет заключен мир»⁴¹. Однако на Мадагаскаре Рождественского ожидал страшный удар. «Николай II, - пишет Смирнов, - не только не отменил похода, но ставил эскадре новую задачу - не прорыв во Владивосток, а разгром главных сил японского флота и завладение Японским морем. Это безрассудное, авантюристическое решение надломило Рождественского. Он понимал, что перед ним поставлена невыполнимая задача, но не имел мужества заявить об этом открыто. Командующий захандрил, а незадолго до выхода с Мадагаскара вообще слег»⁴².

Добавим, что Мельников в своих обвинениях адмирала идет еще дальше, приписывая ему совсем уж «дьявольские» намерения: «...Рождественский, осознав крушение своей карьеры, решил, что в отместку за совершенное по отношению к нему "предательство" должна погибнуть и эскадра. Такая изуверская мысль и раньше проскальзывала в его переписке, где он, словно отмечая посторонний факт, высказывался о том, что если и "перестанет существовать эта глупая вторая эскадра", то "это небольшая уже будет надбавка к позору и горю народному". Привыкнув смотреть на эскадру как на разменную монету в

игре своих карьеристских амбиций, он не задумался и ее бросить ва-банк. И сделано это было не из благородных побуждений о военном долге, а из злобной мстительности к тем, кто "предал" его в Петербурге»⁴³. Характерно, однако, что за подобные суждения Мельников подвергся очень жесткой критике в современной военно-морской периодике.

Первая серьезная научная биография адмирала Рожественского появилась в России только в 1999 г.⁴⁴ Ее авторы В.Ю. Грибовский и В.П. Познахирев проявили примерную сдержанность и осторожность в своих оценках, делая выводы только на основе тщательно проверенных фактов. В их труде в научный оборот вводится множество ранее неизвестных источников, касающихся не только карьеры адмирала, но и русско-японской войны в целом. Эту биографию никак нельзя назвать апологетической. Не случайно работа Грибовского и Познахирева получила высокую оценку практически у всех специалистов⁴⁵. Тем не менее в спорах российских историков об адмирале Рожественском точки еще не поставлено, так что ждать какого-то компромисса, видимо, придется еще очень долго. Судьба Рожественского, бесспорно, отразила общий кризис «верхов» Российской империи в начале XX в., но была в ней и своя личная драма (контузия в ходе Цусимского сражения, плен, осуждение части современников и потомков). И все это должно быть учтено при воссоздании объективного исторического портрета адмирала.

Апологеты командующего 2-й Тихоокеанской эскадрой вольно или невольно вновь реанимируют вопрос о причинах Цусимской катастрофы, придавая ему новое звучание. Если Рожественский в самом начале сражения совершил столь выдающийся маневр, поставивший японский флот в крайне невыгодное положение, то почему русская эскадра не реализовала возможность, если не разгромить противника, то хотя бы нанести ему непоправимые потери? Получается, что причина разгрома русского флота кроется в человеческом факторе, поскольку сваливать все на техническое несовершенство наших кораблей как будто нельзя. Первым и, пожалуй, единственным из всех мемуаристов со всей остротой поднял вопрос о качестве подготовки плавсостава артиллерийский офицер с крейсера «Олег» Б.К. Шуберт: «Сколько раз и раньше, - писал он, - мне приходилось удивляться тому, насколько наш русский крестьянин плохо прививается к морю и морской службе. Едва ли три человека из ста судовой команды чувствуют себя на палубе так же хорошо, как и на земле, любит свой корабль и море и, охотно работая, представляют из себя настоящий желательный тип матроса; остальные смотрят на свою службу как на тягостную долю, на корабль - как на тюрьму, к морю не приучаются и в продолжении всей своей службы мечтают только о том дне, когда срок ее будет окончен, и их уволят домой... В случае свежей погоды это стадо, с постоянной мыслью о смерти, делается совершенно ни к чему не способным и ютится где-нибудь в темных уголках корабля»⁴⁶. Не менее уничижительно Шуберт отзывался и об унтер-офицерах, которые «забывают все, чему их учили», и «делаются тем же вялым апатичным существом, мечтающим о своей деревне, помимо которой его ничто не в состоянии заинтересовать»⁴⁷.

В советские времена проблема качества боевой подготовки плавсостава 2-й Тихоокеанской эскадры и состояния его морального духа всерьез не обсуждались по идеологическим соображениям. Считалось, что в Цусимском сражении русские матросы проявили чудеса героизма и до конца выполнили свой долг. Подходить же к этому вопросу с позиций Шуберта, объявившего неспособность русского человека к морской службе чуть ли не врожденной чертой национального характера и национальной психологии, означало поставить под сомнение все военно-морские амбиции советской сверхдержавы. Поэтому серьезное обсуждение боевых и моральных качеств экипажей 2-й Тихоокеанской эскадры началось только со второй половины 1990-х гг. В постперестроечной военно-морской публицистике стал активно муссироваться тезис об огромном количестве политически неблагонадежных матросов и штрафников, собранных на кораблях 2-й эскадры. Отправляя этих людей на войну, царское правительство стремилось избавиться от тех, кто был не нужен ему на родине. В их числе оказался и Новиков-Прибой, находившийся под надзором полиции за причастность к революционной деятельности. По его собственному признанию, у него не было «никакого желания воевать»⁴⁸. Капитан 1 ранга профессор В.Д. Доценко считает, что значительная доля вины за такое комплектование экипажей лежит на

командующем 2-й Тихоокеанской эскадрой⁴⁹.

В настоящее время в отечественной историографии сложились две точки зрения на данный вопрос. Первая в наиболее концентрированном виде изложена в обстоятельной статье В.Ю. Грибовского «Личный состав российского флота в русско-японской войне 1904 — 1905 гг.»⁵⁰, вторая - в объемистой монографии московского исследователя И.М. Кокцинского, посвященной разбору морских операций русско-японской войны⁵¹. Картина, реконструированная Грибовским, выглядит вполне оптимистичной. С началом русско-японской войны достаточно высокий уровень подготовки нижних чинов позволил в короткое время успешно обучить многочисленных новобранцев и направить их на корабли. Дополнительные потребности покрылись призывом 6.6 тыс. запасных матросов и унтер-офицеров, которые на кораблях 2-й эскадры составили от 15 до 23%⁵² нижних чинов. Так называемых «нетчиков» (матросов «дурного поведения», зачастую из разряда штрафных, т.е. бывших под судом) в составе экипажей эскадры Рожественского насчитывались единицы. Не росло в военных условиях и число дезертиров. В целом во время боя нижние чины сражались храбро и самоотверженно, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют официальные рапорты и боевые донесения командиров кораблей.

В монографии Кокцинского мы находим совсем иную картину. Он приводит не усредненные показатели, а данные по отдельным кораблям. Так, на крейсере «Жемчуг» призванные из запаса матросы составляли 33% от общего числа нижних чинов, а новобранцев - 20%; на броненосце «Адмирал Ушаков» запасных и новобранцев было соответственно 10 и 20% и т.д. Основываясь на этих данных, Кокцинский пришел к выводу, что «экипажей, в полном понимании этого слова, на кораблях не было - число новичков превышало все разумные нормы. "Вливание" в коллектив больших масс людей размывает его. Это неизбежный результат»⁵³. Не менее удручающими выглядят цифры по штрафникам и политически неблагонадежным. В доказательство приводятся свидетельства обер-аудитора 2-й Тихоокеанской эскадры титулярного советника В.Э. Добровольского, утверждавшего, что в составе команды эскадренного броненосца «Орел» находились «семь или восемь десятков человек, только что отбывших наказание в военно-морской тюрьме или дисциплинарном батальоне...» На флагманском корабле отряда Небогатова броненосце «Император Николай I» положение «усугублялось присутствием рабочих, которые развращали команду, снабжая ее прокламациями»⁵⁴. Однако в отличие от До-нецко, Кокцинский не склонен возлагать вину за подобное комплектование экипажей на высшее руководство флота, справедливо замечая, что в разваливающейся и бурлящей империи других людей им взять было неоткуда⁵⁵.

Столь существенные различия в оценке состава плавсостава этими двумя авторами во многом объясняется тем, что их работы основаны на разных источниках. Грибовский использует архивные документы, а также опубликованные официальные рапорты и донесения командиров кораблей. Кокцинский опирается на данные опубликованных свидетельских показаний офицеров в следственной комиссии и в процессе по делу о сдаче отряда Небогатова. Судя по всему, он считает, что официальные «бумаги» не отражают объективно состава экипажей. В подтверждение приводятся свидетельские показания командира броненосца «Генерал-адмирал Апраксин» капитана 1 ранга Н.Г. Лишина: «Я получил команду и из документов заключал, что это беспорочные служащие, опрашивая же узнавал, что один пришел из тюрьмы, другой

175

из дисциплинарного батальона»⁵⁶. Что касается Грибовского, то он склонен был считать с бым звеном плавсостава российского флота офицерский корпус, а не нижние чины. Главн= фактором, обусловившим серьезные недостатки в боевой подготовке морских офицеров, и-лялась «цензовая система», введенная в царском флоте с 1885 г. Для производства офицер; * очередное звание эта система предусматривала наличие у него определенного количества ж сяцев плавания. Залогом успешного продвижения по служебной лестнице являлось также с сутствие во вверенных офицерам подразделениях и на боевых кораблях несчастных случаев! ■ всевозможных ЧП. В результате на флоте сложится тип «миролюбивого командира», ■ шегося в боевой обстановке⁵⁷. Не нуждается в

комментариях признание участника Цусиме го сражения командира миноносца «Быстрый» капитала 2 ранга О.О. Рихтера: «...Инициатш-ј вы не было и быть не могло, потому что нас так воспитали... За 8 месяцев не переродить лю-| дей. О всяком пустяке адмирал думал сам, а не подумай он, никто бы не подумал»⁵⁸.

Приводимые в статье Грибовского примеры допущенных в первые же дни войны просчетов просто вопиющи. На миноносцах «Расторопном» и «Бесстрашном», дежуривших на рейс в роковую ночь нападения японского флота на порт-артурскую эскадру, торпеды 6 аппарате* даже не были поставлены на боевой взвод. Минный заградитель «Енисей» и крейсер «Бояри при постановке мин взорвались на собственном минном поле. Капитан 2 ранга В.Ф. Сарыч поспешно покинул вместе с командой крейсер «Боярин», оставшийся на плаву после подрыва на mine, и убыл на миноносце в Порт-Артур, даже не убедившись в гибели своего корабля. Ми- I носец «Сторожевой» дважды в упор стрелял торпедами по неподвижному «Боярину», но попаданий не добился. Подобных ситуаций было много.

Таковы главные объяснения причин Цусимского поражения, которые выдвигались российскими мемуаристами, писателями и историками на протяжении 100 лет, прошедших со времени сражения 14—15 мая 1905 г. Анализ российской и советской историографии Цусимы даст лишнее подтверждение тому, что военно-морская история является одним из самых консервативных направлений исторических исследований, медленно воспринимающим новую информацию и новые методики исследования и еще медленнее отказывающимся от традиционных стереотипов. Одна из причин такого положения дел - узкий круг специалистов и используемых ими источников. Обращает на себя внимание тот факт, что о русско-японской войне пишет особенно много военных моряков, морских инженеров или просто любителей, в работах которых начисто отсутствует осознание их методологических и методических позиций. Иначе говоря, в таких работах преобладает фактография событий на уровне историков-позитивистов XIX в., тогда как авторская рефлексия по поводу описываемых событий практически отсутствует. Современные тенденции, наметившиеся в изучении Цусимского сражения за последние 10-15 лет, пока не внушают оптимизма. Снятие идеологических и цензурных барьеров и расширение издательских возможностей привели к появлению большого количества работ, написанных непрофессиональными исследователями. Неумение работать с источниками привело к грубым фактографическим ошибкам, выдвиганию экзотических и упрощенных концепций, стиранию граней между гипотезами и фактами. Свои книги такие авторы пишут без учета достижений предшественников, а полемика между ними нередко выходит за рамки научной этики и даже элементарных приличий.

Что касается учебной литературы, то в ней Цусимское сражение обычно лишь упоминается, а при более подробном его разборе акцент по-прежнему делается на численном превосходстве японского флота над русским и более высоких тактико-технических данных японских кораблей без учета человеческого фактора. Все это говорит о том, что изучение русско-японской войны, действий русского флота и, в частности, Цусимского сражения еще ждут новых исследователей, хорошо разбирающихся и в закономерностях исторического процесса, и в военно-морском деле.

Примечания

Сборник приказов и циркуляров по 2-й эскадре Тихого океана за 1904 и 1905 гг. Владивосток, 1905. 2 Русско-японская война 1904-1905 гг. Действия флота. Документы. Издание исторической комиссия по описанию действий флота в войну 1904-1905 гг. при Морском генеральном штабе. Отд. IV. 2-я Тихоокеанская эскадра. Кн. 3. Бой 14-15 мая 1905 года. Вып. 1-3. Донесения и описания участников боя. СПб., 1907, 1912; Вып. 4, 5. Показания в следственной комиссии. СПб., 1914.

Отчет по делу о сдаче 15 мая 1905 г. неприятелю судов отряда бывшего адм. Небогатова. СПб., 1907.

4 Новиков Н.В. Русско-японская война 1904-1905 гг. Материалы для описания военных действий флота в 1904-1905 гг. Вып. II. СПб., 1912; Русско-японская война 1904-1905 гг. (работа исторической ко- 176

L миссии для оставления описаний действий флота в войну 1904-1905 гг. при Морском генеральном штабе). Кн. 6, 7. Пг., 1917.

Ниппон-най тай-кай-сен. Великое сражение в Японском море (Цусимский бой) / Пер. с яп. СПб., 1911; Описание военных действий на море в 37-38 гг. Мейдзи (в 1904—1905 гг.). Составлено Морским генеральным

штабом в Токио / пер. с яп. Т. IV. Действия против 2-й Тихоокеанской эскадры и овладение островом Сахалином. СПб., 1910.

6 Письма З.П. Рожественского к О.Н. Рожественской // *Море*. 1911. № 6. С. 23-60. 7 Политовский Е.С. От Либавы до Цусимы. Письма к жене... СПб., 1906; Вырубов П.А. Десять лет из жизни русского моряка, погибшего в Цусимском бою. (В письмах к отцу). 1895—1905. Киев, 1910.

8 Д о б р о т в о р с к и й Л.Ф. Уроки морской войны. Кронштадт, 1907.

9 Дмитриев Н.Н. Броненосец «Адмирал Ушаков» (его путь и гибель). СПб., 1906 (Изд. 2 СПб., 1997); Т а у б е Г.Н. Последние дни Второй Тихоокеанской эскадры. СПб., 1907; О в а н д е р Э.Э. Заметки о 2-й Тихоокеанской эскадре // *Известие общества офицеров флота*. Год шестой. СПб., 1913; Чегодаев-Саксонский А. На «Алмазе» от Либавы через Цусиму во Владивосток. М., 1910; Ш у б е р т Б.Н. Новое во войне. Воспоминания о морских походах 1904—1905 гг. СПб., 1907.

Кравченко В.С. Через три океана. Воспоминания врача о морском походе в русско-японскую ' войну 1904-1905 гг. СПб., 1910; О. Зиновий (Дроздов). С эскадрой до Цусимы. Вятка, 1906.

11 Семенов В.И. Расплата. В 3 т. СПб., 1906-1910; его же. Бой при Цусиме. СПб.; М., 1911; его же. Цена крови. Продолжение «Расплаты» и «Боя при Цусиме». Пг.; М., 1920.

12 Воспоминания А.В. Витгефта о сражении при Цусиме // исторический архив. 1960. №4. С. 111-141.

13 Г р а ф Г.Н. Моряки. Очерки из жизни морского офицера (1897-1905). СПб., 1997; Туманов Я.Н. Мичмана на войне. СПб., 2002.

14 Н о в и к о в - П р и б о й А.С. Собр. соч. Т. 3. М., 1963. С. 6.

15 Там же. С. 7.

16 К о с т е н к о В.П. На «Орле» в Цусиме. Л., 1955.

17 См., напр.: W e s t w o r d J.N. Witnesses of Tsushima. Talahassee (Flo), 1970. P. 307.

18 М а г д а л и н с к и й А.В. На морском распутье. Ярославль, 1954.

19 Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. Борьба за море. М., 1990.

20 Ogasawara N. Life of Admiral Togo. Tokyo, 1934.

21 К о с т е н к о В.П. Указ. соч. С. 493-494.

22 Мельников Р.М. Броненосцы типа «Бородино». СПб., 1996. С. 36-38.

23 Пи куль В.С. Три возраста Окини-сан. Сентиментальный роман. М., 2001. С. 470-471. 24 Киличенков А. Ошибка Того и последний шанс Рожественского // *Морской сборник*. 1990. № 3.

С. 80-84; К у з н В.П. Мифы и реальность (история или современность) // *Синдром Цусимы*. Сб. статей. СПб., 1997. С. 68-78; Корабельная артиллерия в русско-японской войне // *Гангут*. 1994. Вып. 7. С. 64-79.

25 Киличенков А. Указ. соч. С. 80.

Кузин В.П. Указ. соч. С. 71.

26

27 Крестянинов В.Я. Цусимское сражение 14-15 мая 1905 г. СПб., 2003. С. 34. 28 Грибовский В.Ю., Познахирев В.Л. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999. С. 177, 180, 174.

29 Вырубов П.А. Указ. соч. С. 128.

30 Там же. С. 129.

31 См.; Ленин В.И. Разгром // ПСС. Т. 10. М., 1960. С. 251-255.

32 Жерве Б.Б. Путь к Цусиме // *Морской сборник*. 1925. №5. С. 44-80.

33 Васильев Л. А.С. Новиков-Прибой. Очерк творчества. Саранск, 1960. С. 132.

34 Красильников В.А. А.С. Новиков-Прибой. Жизнь и творчество. М., 1966. С. 240-241. Пикуль В.С. Три возраста Окини-сан. Сентиментальный роман // *Нева*, 1981. № 9—11.

36 Климовский С.Д. Вице-адмирал З.П. Рожественский // *Морской исторический сборник*. 1991. Вып. 2. С. 9-64; Чистяков В.Н. Четверть часа для адмиральских пушек // *Морской сборник*. 1983. № 2. С. 89-93.

37 Д о ц е н к о В.Д. Мифы и легенды российской военно-морской истории. СПб., 1997; Киличенков А. Ошибка Того и последний шанс Рожественского // *Морской сборник*. 1990. № 3. С. 80-84; Ш у в а л о в Е.М. Цусима: в защиту традиционных точек зрения от аналитического мифотворчества // *Корабли и сражения*. Морской исторический альманах. СПб., 1995. С. 21-35.

38 М е л ь н и к о в Р.М. Указ. соч. С. 49. 39 Жерве Б.Б. Указ. соч. С. 73.

40 Там же.

41 Костенков В.П. Указ. соч. С. 135-136.

177